

**АННА
ОДУВАЛОВА**

РТУТЬ

МАГИЯ МЕЖДУ НАМИ

Анна Одувалова

Ртуть. Магия между нами

«Автор»

2026

Одувалова А. С.

Ртуть. Магия между нами / А. С. Одувалова — «Автор», 2026

Случай на практике изменил все. Теперь меня ненавидят, но я и не претендую на всеобщую любовь. Моя цель доучиться в Академии Резонаторов, понять, кто же подставил меня этим летом, доказать несносному Эрику ре Шейну, что не я источник всех его бед и никого не прибить в процессе.

© Одувалова А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Одувалова

Ртуть. Магия между нами

Глава 1

— Смотрите! Думал, эта дрянь не посмеет сюда вернуться.

Академия Резонаторов радостно встречала новый учебный год и нерадостно меня, что, впрочем, не было неожиданностью.

Я шла, уверенно вздернув подбородок под пристальными взглядами студентов, сквозь шепот и косые взгляды. Я знала, меня тут не ждут, готовилась к холодному приему, но не думала, что будет так сложно держать на лице маску безразличия.

— Свалила бы ты, пока не поздно, Ртуть! Неужели непонятно, что тебе тут не рады?

Понятно. Намного лучше, чем все они думают. Только свалить я не могу, как и остаться невидимкой. Серебристые волосы — символ мага с выжженной сердцевиной делали меня заметной везде. Особенно ярко они выделялись на фоне золотых и алых красок осени в Арграде.

Я почти дошла до дверей академии, когда дорогу мне преградили.

— Не думал, что у тебя хватит смелости и наглости появиться здесь, — тихим, надтреснутым голосом сказал парень, когда я попыталась его обойти и преградил мне дорогу. Черные кожаные штаны, какие часто носили резонаторы на практике, легкая кожаная куртка и рубашка, у которой, кажется, не хватало пуговиц.

Он скалой возвышался на открытом пространстве двора, а я мигом оказалась в его тени, падающей на плитку. Надо мной словно сгустились грозовые тучи.

И имя этим тучам было Эрик ре Шейн. Идеальный. Богатый. Влиятельный. Лучший во всем. Пожалуй, единственный, у кого имелись реальные основания меня ненавидеть. Пепельная челка падала ему на глаза. Еще в начале лета Эрик был брюнетом, душой компании и самым популярным парнем в Академии. Трагедия изменила его. Трагедия, в которой была виновна я.

— Вообще-то, я здесь училась, учусь и собиралась доучиться, — ответила я ровно, хотя голос на секунду дрогнул. От Эрика веяло холодом и презрением. А еще он, кажется, не собирався отступать. А силой сдвинуть с места эту махину не представлялось возможным.

— Это крайне странно. — Эрик даже не скрывал ненависти. — После того, что произошло, тебя должны были отчислить. Но... почему-то ты осталась безнаказанной, хотя другие пострадали. Я сделаю все, чтобы это недоразумение исправить.

Последнюю фразу он прошептал, наклонившись к моему уху. В нос ударил легкий древесный аромат, теплое дыхание коснулось мочки, а по спине пробежал холодок. Эрик никогда не разбрасывался обещаниями.

— Потому что я ни в чем не виновата. И ты это знаешь. В глубине души, если она у тебя есть, — упрямо сказала я и подняла взгляд, стараясь выглядеть увереннее, чем есть на самом деле. Показывать слабость тут ни в коем случае нельзя. Да и не была я никогда слабой. Серебряные пряди упали на щеку, я не стала их поправлять.

Он сделал шаг вперед, сократив и без того крохотное расстояние между нами. Теперь я видела заострившиеся скулы и тени под глазами. Это лето выдалось непростым не только у меня.

— Не думаю, что ты сама так считаешь, — бросил он зло и, проходя мимо, задел меня плечом. Не сильно, но достаточно, чтобы сбить дыхание. Эрик не остановился. Ровная спина, сжатые кулаки и уверенная походка.

А я осталась стоять, ноги словно прилипли к плитке. Подняла голову, чтобы прогнать слезы. Небо было неестественно голубым, а солнце ярким. Мимо шли люди. Кто-то задевал меня плечом, кто-то обходил по большой дуге, словно прокаженную. Шепот доносился со всех сторон, вызывая приступ паники.

Я выдохнула. Первый раунд позади, и я выстояла, не убежала, разрыдавшись и только богам известно, каких усилий мне это стоило. Поправила тяжелый, набитый до отказа рюкзак, плечи сами собой распрямились, подбородок вновь вздернулся. Я нацепила на лицо свою самую надежную броню — маску холодного, безразличного спокойствия — и уверенно шагнула в здание.

Холодный воздух в холле Академии пах пылью, полиролью, мокрыми плащами и чуть-чуть озоном от недавно обновленных глифов освещения. Просторный вестибюль гудел пчелиным роем: голоса, смех, хлопнула чья-то папка, зазвенели браслеты-якоря на чьей-то руке.

Я протиснулась к стенду с расписанием, глянув краем глаза: боевые практикумы стояли через день, утренняя физподготовка, как всегда ждала нас до завтрака, сбор звеньев был запланирован на полдень. Сегодня общее собрание в актовом зале, можно не ходить. Развлечение для первокурсников, третьему там делать нечего. Комната общежития у меня осталась той же. Хотя бы здесь ничего не изменилось.

Друзей у меня тут, как я понимаю, теперь нет, а, значит, мне не с кем радоваться новому учебному дню. Что же... получается, и не было их. Ценное знание. Я развернулась на каблуках и направилась в сторону длинного коридора сквозь полутьму, уводящему к жилому крылу. Я шагала, привычно считая плитки и дыхательные циклы — четыре вдох, четыре — задержка, шесть выдох — пока не уперлась в массивную дубовую дверь с чугунной мордой зверя, чью принадлежность, так никто и не определил: то ли волк, то ли лев, то ли чья-то давняя фантазия. Рот у морды был полуоткрыт, и оттуда тянуло слабым холодком. Внутри, как всегда, работала вентиляционная вязь.

Я приложила ладонь к бронзовой пластине внизу. Некоторые считали, что это язык металлического монстра, охраняющего общагу. Металл был шершавый, будто кто-то специально оставил на нем тонкую насечку, чтобы резонаторы чувствовали, как в недрах пластин дрожит магия. Пластина коротко брякнула, и я услышала мягкий отклик замка. Морда на двери «вздохнула», и что-то щелкнуло внутри. Дверь отъехала в сторону.

Я вошла в жилое крыло, и меня накрыло знакомым теплом. Здесь пахло выстиранными простынями, чьей-то шоколадной пастой, свежим ремонтом и еще чем-то сладким, аптечным. Кто-то разлил стаб-зелье «Серый якорь». Вдоль длинного коридора тянулись двери с номерами. На стене светились предупреждения: не перегружать магическую сеть, не снимать якоря ночью, не использовать акустические пульсы в жилой зоне — стандартный список. Для резонаторов, задача которых — стабилизировать и поддерживать магические потоки, это станет нормой после диплома; до тех пор у большинства лучше получалось ломать. Работа с тонкими энергетическими нитями и якорями требовала сосредоточения и дисциплины. Не у всех они были.

С тех пор, как открыли магические потоки и научились плести узлы и ставить якоря, магия стала доступна всем, только вот видеть эти магические жилы могли единицы. Резонаторы. Кто-то слышал магические струны и мог настраивать потоки, как гитару, кто-то, как я, видел и специализировался на узлах.

Я дошла до своей двери, зная, что в комнате меня ждёт тишина и одна пустая кровать, ранее принадлежавшая Лауре, девушке Эрика. С этого семестра здесь будет спать кто-то другой. Этого мне Эрик не простит никогда.

Внутри было чисто. Прямоугольник солнечного света падал на пол, выделяя ровный шов между досками. Моя кровать справа была заправлена свежим постельным бельем. Слева — тоже идеальный порядок, какого никогда не было при Лауре, совершенно неприиспособленной

к жизни без слуг. Только на тумбочке у пустой кровати лежала тонкая серебряная заколка с рубиновым глазком. Я сразу ее узнала. Остренькая вещица, смешная и дорогая, как и любила моя соседка. Я потянулась к ней, но не взяла. Пусть лежит, как напоминание о прошлом.

— Надеюсь, это не твое, — услышала я за спиной.

Обернулась. В дверях стояла девушка с ярко-синими волосами, чуть выше плеч. В руках коробка, на плече сумка, во взгляде застыла беспристрастная оценка. Моя новая соседка была среднего роста, худощавая, с глазами цвета мокрого асфальта и острыми чертами лица, что не лишало его какого-то хищного очарования.

— Не мое, — ответила я. — Осталась от твоей предшественницы. Можешь забрать.

— Не мой стиль. — Девушка пожалала плечами и, как ни в чем ни бывало, сменила тему. — Чтобы расставить все точки. Я слышала историю, о том, что случилось летом, и почему освободилось это место. Академия Резонаторов не для всех. Иногда уйти лучшее решение. Не только для самого человека. Для всех. Я Эстер. Если что, я не разбрасываю вещи и сплю тихо.

— Рута, — ответила я, немного расслабившись. По крайней мере, соседка не испытывает ко мне ненависти. Уже неплохо.

Мы молча принялись разбирать вещи.

— Значит, тебя перевели на место Лауры? — не выдержала и поинтересовалась я.

— Да. — Эстер распаковала стопку футболок, разложила по полкам. — Третий курс, звено шесть-А.

— Тогда мы в одном звене, — сказала я. — Десятка. Нас учат работать в связке.

— Это я знаю, — сухо ответила она. — Якоря, командные связки, ночные обходы. В моей бывшей академии сходная система обучения.

— Да. Ничего нового не изобрели. — Я поставила на стол футляр с пишущими принадлежностями. — И... предупреждаю сразу. Я тут персона нон грата. Общайся со мной, ты рискуешь.

Эстер посмотрела прямо.

— Почему?

Я почти разобрала свои скудные пожитки, привыкла обходиться минимумом. Еще на первом курсе усвоила: самые ходовые вещи здесь черные футболки и штаны с максимальным количеством карманов. Эстер оказалась лучше экипирована: из ее коробки послушно выплывали аккуратные стопки книг, набор для каллиграфии и даже маленькая дорожная чайница.

— Ты же сама сказала, что слышала историю. На практике была тренировочная переправа. Я отвечала за проверку креплений моста. Я их проверила. Все было в норме. Но мост оборвался. Один из наших сорвался и погиб. Лаура едва не погибла. Эрик ее вытащил. У него был выброс силы, в последствии которого сердцевина перегорела. Лауру из Академии забрали родители. Вот и вся история. В случившемся считают виноватой меня.

Эстер положила футболку, не отводя взгляда.

— Парня жалко, — тихо заметила она, на мгновение остановившись. — Но ведь было расследование?

— Да. Инцидент признали случайностью, — хмуро сказала я, чувствуя, как в душе поднимается такая знакомая боль.

— Значит, ты не виновата. — Моя соседка пожалала плечами, и я поразились ее холодному спокойствию.

Я горько усмехнулась.

— Они так не считают.

Эстер, наконец, повернулась ко мне, ее серые глаза были спокойны.

— Это их проблемы. Я, как ты можешь заметить, далека от того, чтобы прислушиваться к чужому мнению.

В ее голосе не было ни жалости, ни подобострастия. Только констатация факта. И впервые за долгие месяцы я выдохнула. Возможно, не все так плохо. По крайней мере, у меня теперь есть кто-то, с кем можно общаться без оглядки на прошлые ошибки.

Мы не спешили, но, закончив раскладку, все же решили зайти на приветственную часть. Точнее Эстер решила, а я согласилась составить ей компанию. С непривычки по коридорам академии можно бродить долго и так и не найти нужное место. По дороге мы подхватили и спасли от горькой участи несколько первокурсников, которые задорно спешили в противоположную от центрального крыла сторону.

Актный зал был полон. Мы протиснулись на галерку, пока ректор говорил о новых правилах и планах на семестр. Потом он сделал паузу.

— И последнее. — Его голос прозвучал особенно весомо. — В некоторых звеньях произошли изменения в кураторском составе. Мы вынуждены были расстаться с Марном Валдросом. Звено шесть-А переходит под руководство Керна ре Новара. Уже завтра вы с ним познакомитесь. Это жесткий, но справедливый специалист, обладающий большим практическим опытом. Большая честь для нас принять его в наш преподавательский состав.

В желудке похолодело. Гул прошел по рядам. Взгляды обратились в мою сторону. Я знала, что это значит. Валдроса любили, и он пострадал, по их мнению, из-за той ошибки, которую допустила я.

— Составы и изменения отражены в ваших расписаниях, — продолжил ректор. — Прошу соблюдать дисциплину и регламент.

Рядом кто-то ахнул. Кто-то прошептал: «Из-за нее и уволили...» Началось...

На выходе нас догнал Эрик.

— Ну что, довольна? — прошипел он. — Еще одна сломанная жизнь на твоей совести! Какая по счету? Четвертая? Не слишком ли много, а, Рута? Ты уверена, что стоишь хоть одной из них?

Глава 2

Я смотрела на него и молчала. Слова застряли в горле. «Он неправ!» — повторяла про себя, но вслух не сказала ничего. Бессмысленно говорить с тем, кто не готов слушать. Внезапно чья-то рука легла на мой локоть. Это была Эстер.

— Пошли, — тихо сказала она, и ее голос прозвучал как щелчок, выводящий из ступора.

Она потянула меня за собой, но путь нам преградил долговязый парень из соседнего звена. Он бросил на Эстер насмешливый взгляд.

— Что, новенькая, уже нашла с кем дружить? Поддерживать убийцу верный путь в изгой.

Эстер даже не замедлила шаг.

— Верный путь в стадо — следовать за всеми, — парировала она ледяным тоном, не взглянув на говорившего.

В этот момент мимо нас прошла Бьянка с подругой. Еще в прошлом году мы неплохо ладили, но сейчас я перестала для них существовать. Девушка лишь скользнула по мне презрительным взглядом, не удостоив словами. Я знала: глупые подколы и сцены не ее стиль. Бьянка предпочитает точечные, выверенные удары. И я знала, что при первой возможности она пустит в ход тяжелую артиллерию, и это будет страшнее обвинений Эрика. Он не опустится до физического конфликта с девушкой, даже если ненавидит.

— В столовую? — спросила Эстер.

— Не хочу, — сказала я. — У меня рвотный рефлекс на толпы.

— Иди жить в горы и сиди там одна, — спокойно ответила она. — Ты не в тайге. Ешь. Иначе решат, что ты сбежала и сломалась. Это худший вариант. Или у вас тут непринято быть сильной? Очень сомневаюсь. Сожри или сожрут, мне кажется, это общее негласное правило всех академий резонаторов.

Я выдохнула и кивнула. Эстер была права.

У дверей столовой воздух пах супом, хлебом и чем-то сладким. Внутри оказалось шумно, как обычно. Я машинально бросила взгляд на стол, где раньше собиралась наша десятка. Теперь там сидело семеро. Три пустых места: мое, Лауры и Бьерна напоминали, что ничего не будет, как прежде. Я по привычке почти направилась туда, но Эрик, даже не повернув головы, процедил сквозь зубы:

— Даже не думай.

Я резко развернулась и направилась к свободному столику у стены. По дороге в висках снова застучало, в пальцах заплясали мурашки. Магия внутри дрожала, реагируя на стресс. Я прикрыла глаза на секунду, поймала дыхание: четыре — четыре — шесть. Этому учат всех, кто

однажды сорвался и теперь вынужден аккуратно обходиться с силой, чтобы не добить выжженный стержень.

Внутренним взглядом я увидела тусклую серебристую нить, пульсирующую в воздухе. Обычные маги черпают силу в специально обустроенных местах, где несколько жил сходятся в узел и стоит якорь. А резонаторы видят сами потоки и подпитываются от них почти везде. Я взяла крошечную искру — ровно столько, чтобы унять дрожь в руках.

— Все нормально? — спросила Эстер.

— Теперь да, — сказала я. — Пошли за едой.

Мы взяли подносы и уселись за свободный стол, недалеко от нашего бывшего звена. Оттуда долетало оживленное обсуждение. Фил, сын «владельца заводов, верфей и пароходов», с заметным удовольствием рассказывал столичные сплетни.

— Кстати, о Лауре. — Он повысил голос, явно желая, чтобы его услышали. — Объявили о ее свадьбе. Жених один из кузенов Императора. Говорят, старше ее на два десятка, зато у него столько денег, что может купить половину империи.

Эрик, до этого мрачно ковырявший еду, резко поднял голову.

— Что? — Его голос прозвучал хрипло.

— А ты не в курсе? — уточнил Фил, умело разыграв удивление. Меня всегда поражало, как он любит играть на слабостях других. Даже отсюда чувствовалось его хищное предвкушение скандала. Мне стало жаль Эрика. Они с Лаурой правда были красивой парой, за которой наблюдала вся Академия. Мы не сомневались в том, что они поженятся после выпуска. Даже когда стало известно, что Лаура не вернется, никому не приходило в голову, что они расстанутся — включая самого Эрика. — Объявили-то еще месяц назад.

— Я после... после ее отъезда не появлялся в столице, — глухо отозвался Эрик, побледнев. — Был на побережье. Вернулся только вчера. И... Лаура мне ничего не говорила...

— Ну, теперь знаешь. — Фил пожал плечами. — Понятно, что молчала: все знают, что ты у нас псих. Торжество планируют грандиозное. Видимо, стараются поскорее пристроить, пока...

Он не договорил, но все поняли: «пока не оправилась от потрясения».

— В общем, поздравляю... сочувствую... сам выбери. Завтра — громкая помолвка!

Кто-то хихикнул. Ложка звякнула о край тарелки. Я почувствовала, как магия вокруг Эрика заискрила. Что этот идиот творит, выжженным нельзя терять контроль. Это опасно. Парень резко вскочил. Стул отъехал и ударился о соседний стол. Студент, которому досталось спинкой, попытался возмутиться, но Эрик просто отшвырнул его руку.

— Сядь! — Бьянка дернула его за рукав, но Эрик бросил такой взгляд, что она подняла руки: «не вмешиваюсь».

Фил, как всегда, не удержался и хмыкнул. Эрик заметил кривую усмешку. Не нужно было быть резонатором, чтобы понять: провокацию гаденыш подстроил и теперь наслаждался эффектом.

Искры в воздухе вытянулись в тонкие нитки холода. По коже побежали мурашки. Эрик рванул через стол к Филу, схватил его за грудки и дернул вниз, опуская лицом в тарелку с супом. Несколько человек вскрикнули. Фил увернулся в последний момент и нагло заржал:

— Я же говорил, псих! Чего заводишься? Баб мало? Вон Силь! — Он указал на подружку Бьянки. — Зря, что ли, такое декольте надела? Сейчас слюной стол обкапает!

— Да пошел ты, — скривилась Силь и чуть натянула майку повыше. Ситуацию это не сильно изменило. Силь была влюбчивой, и ей нравилось внимание парней. В целом, но на Эрика она охотилась давно. Просто, когда они были с Лаурой вместе — это было бесполезно.

Эрик не отреагировал на слова. Он дотянулся до Фила и с силой толкнул в грудь — тот улетел назад через спинку стула.

Кто-то попытался оттащить Эрика, кто-то вразумить. Девчонки закричали. Охрана появилась через две минуты достаточно быстро, чтобы не допустить серьезной драки, но недостаточно, чтобы Филу не досталось. Драки и магические выбросы в Академии, мягко говоря, не поощрялись.

Эрик не сопротивлялся, когда его уводили. Он лишь бросил на меня взгляд, полный бесильной злобы. В столовой повисла гробовая тишина, которую через секунду пререзал нервный смешок. Учебный год начался слишком бодро даже для Академии Резонаторов.

Мы заканчивали обед в тишине. Я заставила себя сделать еще пару вдохов по схеме, чтобы сердце не ушло вразнос, но все равно не выдержала и первой резко поднялась, отодвинув стул. Половина посетителей столовой повернулась в мою сторону. Я двинулась к выходу, стараясь не обращать внимания на взгляды, но, к счастью, никто не попытался меня остановить или что-то сказать.

В коридоре было прохладнее и тише. Гул голосов остался за спиной, стихая с каждым шагом. Я выдохнула, только когда завернула за угол. И через мгновение рядом возникла Эстер. Я даже не слышала ее шагов.

— Надеюсь, ты не собралась совершить какую-нибудь глупость? — спросила она без предисловий, подстраиваясь под мой шаг.

— Пока нет. Точнее, я не считаю это глупостью, — буркнула я, ускоряясь и подсознательно отрываясь от новой и весьма проницательной знакомой.

Мы поднялись по лестнице. В жилом крыле было пусто и тихо, только где-то в конце коридора хлопнула дверь. Я первой зашла в комнату, которая ничуть не изменилась за наше отсутствие. Только солнце уже сместилось, и прямоугольник света на полу стал длиннее и бледнее.

Я кивнула на кровать Эстер:

— Можно?

— Можно. — Она пожала плечами, прислонилась к шкафу, скрестив руки на груди. — Может, объяснишь, что ты задумала?

Вместо ответа я встала на матрас и потянулась к вентиляционной решетке под потолком. Краска на ней облупилась, кое-где виднелись следы ржавчины. Старая решетка поддалась не

сразу — пришлось поддеть ногтями, но через пару минут я сняла ее и сунула руку в темное квадратное отверстие. Запыленное пространство хранило единственный предмет.

Небольшой бронзовый ключ на кожаном шнурке. От него веяло слабой, но ощутимой магией. Пальцы покалывало, когда я взяла его в руки.

— Что это? — Эстер заинтересованно приподняла брови, но с места не двинулась.

Я спрыгнула с кровати и уселась на край, вертя ключ в пальцах. Тяжелый, старый, с затейливой бороздкой.

— Это пропуск. В карцер. Если студенты нарушают правила: дерутся, устраивают дебош, срывают пары, их сажают в карцер, — начала я объяснять. — Это просто закрытая комната на минус первом этаже. Ничего особенного, пространство, чтобы остыть и подумать. Эрик там не в первый раз. И до утра его точно не выпустят.

— И этот ключ... — Эстер кивнула на мою ладонь.

— Позволяет открыть дверь снаружи, минуя стандартную вязь. — Я провела пальцем по бороздке. — Не ломая и не включая сигнализацию. Старый обходной контур. Можно беспрепятственно выйти и зайти.

Эстер не моргнула. Только смотрела выжидающе, чуть склонив голову.

— Откуда он у тебя?

— Не у меня. Он был у Бьорна. Погибшего друга Эрика. — Я сжала ключ в ладони, металл приятно охлаждал кожу. — Раньше Эрика всегда вытаскивал Бьорн. Бьорн тоже частенько там оказывался, и тогда его вызволял Эрик. А когда эти двое попадались вместе, их выручала Лаура. Они считали особым шиком выйти из карцера ночью, потусить и к утру вернуться. Их ни разу не поймали.

— Неужели там нет охраны? — удивилась моя новая соседка.

— А зачем? Там же не преступников содержат, просто студентов. — Я усмехнулась. — Этот ключ достался Бьорну от его старшего брата, который закончил Академию лет пять назад. Про ключ никто не знает. Ну, кроме меня... Он всегда хранился у Лауры в тайнике и так и остался лежать там после ее отъезда. Я предполагала это, но надо было проверить. Видишь, никуда не делся.

Эстер пару секунд молчала. Смотрела не на меня, на ключ, будто оценивала сам предмет, его вес, его историю.

— И что ты собираешься делать?

— Я должна сегодня ночью выпустить Эрика.

Эстер взглянула на меня так, будто я предложила прыгнуть в кратер вулкана. На мгновение ее невозмутимость дала трещину. Брови дрогнули, в глазах мелькнуло что-то похожее на искреннее изумление.

— Рута, ты с ума сошла? Зачем? Он же на тебя зол! Он тебя ненавидит!

— Ну и что. — Я пожала плечами, ощущая холод металла в ладони. — Мне кажется, ему надо поговорить с Лаурой до ее помолвки.

— Да ты прямо святая! — Эстер закатила глаза, но в голосе не было насмешки, скорее усталая констатация.

Глава 3

— Многие с тобой не согласятся. — Я хмыкнула. — Я не святая. Просто не хочу быть тем, кто молча смотрит, как другой тонет. Эрик имеет право поговорить с Лаурой до того, как его жизнь окончательно изменится. Святость тут ни причем. Просто так будет правильно, да, я не виновата в случившемся, но это не повод проходить мимо, когда можешь помочь. Ключ же у меня, и кроме меня просто некому выпустить Эрика сегодня.

Я сжала ключ в кулаке. Магия, запечатанная в нем, слабо пульсировала в ровном, спокойном ритме, словно вторя биению моего сердца.

Эстер перевела взгляд на окно. За стеклом серел вечер, и резкие, угловатые, чуть подсвеченные последними отблесками заката башни Академии черными силуэтами выделялись на фоне неба. Где-то вдалеке зажглись первые огни.

Эстер повернулась ко мне и, как ни в чем ни бывало, спросила:

— У тебя хоть план есть?

— План есть, — сказала я, разжимая кулак и взглянув на ключ. — Дождаться темноты и прокрасться на минус первый этаж. С девяти до десяти вечера там никого нет: дежурные уже уходят домой, а ночные проверяющие из аспирантов выходят на смену только после десяти. Нужно просто подойти к карцеру и открыть дверь. Ничего сложного.

Эстер слушала, не перебивая; лицо у неё было серьёзным.

— Вроде звучит выполнимо, — наконец произнесла она. — Ладно. Я пойду с тобой.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Зачем тебе это? Ты же видела, что происходит с теми, кто со мной общается. И ты права, Эрик теперь меня ненавидит, то, что я сегодня его выпущу, не изменит между нами ничего. Он будет меня ненавидеть, а все остальные травить. И тебе достанется, просто потому, что ты рядом.

Она пожала плечами, и в серых глазах промелькнуло упрямство.

— Резонаторы своих не бросают. Даже если эти «свои» — упрямыцы с комплексом спасателя.

Я хотела возразить, но слова застряли в горле. Впервые за долгое время кто-то предлагал помощь без скрытых мотивов, просто потому, что считал это правильным. И, наверное, я была слишком слаба, чтобы отказать от единственного человека, который мне предлагал подобие дружбы.

Мы дождались девяти вечера. За окном окончательно стемнело, и мы вышли в коридор. В жилом крыле ещё былолюдно: студенты группами переходили из комнаты в комнату, обсуждая предстоящую вечеринку по случаю начала учебного года. На меня бросали неодобрительные взгляды, но, поглощённые собственными планами, не пытались затеять скандал.

Мы спустились на первый этаж и направились к старой, редко используемой лестнице, ведущей в подвалы. И почти сразу не повезло: из-за поворота внезапно появился запоздавший дежурный, бормочущий что-то себе под нос и листающий бумаги. Я замерла, прижавшись к холодной стене. Сердце бешено заколотилось. Рядом так же тяжело и заполошно дышала моя соседка. Мы не успевали ни отступить, ни спрятаться.

Я резко поймала слабую энергетическую нить, пульсирующую в кладке стены, и набросила на нас обоих простое маскировочное заклинание — лёгкую дымку, заставляющую взгляд соскальзывать. Дежурный, уткнувшись в бумаги, прошёл мимо, не подняв головы. Он даже не вздрогнул.

Мы перевели дух, когда его шаги затихли вдали.

— Повезло, — прошептала я, чувствуя, как дрожь уходит из коленей. — Он был слишком занят своими мыслями. Не смотрел по сторонам.

Эстер лишь кивнула; лицо оставалось сосредоточенным. Мы двинулись дальше, вниз по узкой каменной лестнице. Воздух стал прохладнее, пахнул пылью и сыростью. Наконец, показался длинный, слабоосвещённый коридор с голыми стенами. В самом конце виднелась массивная, металлическая дверь без опознавательных знаков. Матовый серый лист, круглый глазок на уровне груди; ниже — старая скважина, едва различимая в тени. Я провела пальцами по поверхности и ощутила под краской знакомую вязь старого образца: ровную, устойчивую, как ритм дыхания. Я уже бывала здесь и знала этот «рисунок» на ощупь.

Поднесла ключ к замочной скважине, нашла правильный угол — не прямой, а с едва заметным смещением — и повернула. Сначала раздался сухой щелчок, затем глубже откликнулся внутренний механизм. Я потянула на себя ручку.

За дверью оказалась небольшая комната с голыми стенами, почти без мебели: только кровать в углу. На ней, закинув руки за голову, лежал Эрик. Он поднял голову. Глаза полыхнули прежней яростью. Увидев меня, парень медленно сел.

— Ты? — голос прозвучал хрипло и раздражённо. — Что тебе здесь нужно? Зачем приперлась?

Эрик

Я лежал на узкой койке, сцепив пальцы на затылке, и смотрел в потолок, будто там мог найти ответы. Воздух в карцере пах известью и сыростью. Тишина звенела в ушах, настроение было откровенно паршивым. Мне было скучно, и от скуки в голову лезли разные, не очень приятные мысли. Дверь скрипнула и приоткрылась, заставив меня приподняться; сердце гулко ухнуло куда-то в живот. Того, кто мог меня выпустить, уже нет в живых. От этой мысли снова стало тошно. В проёме застыла она.

Рута.

Я медленно опустил руки и сел ровнее, с вызовом уставившись на непрошеную гостью. Эти черты я когда-то, кажется, считал милыми: мягкий овал лица и пухлые, плотно сжатые губы. «Оленьи» глаза — большие, широко раскрытые, в которых любая ложь тонет, как в зеркальном пруду. Не верьте. Я знал человека, спрятанного за этим фасадом. Внутри — стальной стержень. Наивность у неё была напускная. Рута умела улыбаться, когда её рвало на части, и спокойно дышать, когда вокруг всё разлеталось в щепки. Длинные серебристые волосы сейчас были убраны в практичную, но странно элегантную косу.

Я не хотел видеть эту девушку. Не хотел видеть никого, а уж тем более ту, из-за которой моя жизнь разделилась на "до" и "после". Поэтому мой вопрос прозвучал грубо:

— Что тебе здесь нужно? Зачем приперлась?

Она не смутилась и не отпрянула. Сказала тихо, но чётко:

— Мне кажется, так будет правильно. Я подумала, что ты захочешь встретиться с Лаурой.

— Раньше надо было думать, — огрызнулся я и тут же поймал себя на мысли, что мой выпад попал точно в цель. Рута сжала губы ещё плотнее, и в её глазах на миг мелькнула настоящая боль, которую она всегда так тщательно прятала. Я почти почувствовал удовлетворение. Почти.

Только сейчас я заметил за спиной Руты синеволосую новенькую, которая сидела с ней в столовой. Она стояла, скрестив руки, и смотрела на меня с холодным, оценивающим любопытством. Но мне было все равно. Это не имело значения. Никто не имел значения.

— Решай сам. — Рута сделала шаг и положила рядом со мной старый бронзовый ключ. Он выделялся на сером одеяле, трофеем из другой жизни. — Я принесла тебе возможность. Как ты ей воспользуешься, меня не касается. Можешь зауклится обратно в одеяло и продолжить страдать. Кажется, это неплохо у тебя получается.

Она развернулась и вышла из камеры. Её спутница бросила на меня последний бесстрастный взгляд и последовала за ней.

Я остался сидеть, уставившись на ключ. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок. Я боялся себе признаться, но ведь именно для этого я и затеял сегодня дебош в столовой. Сознательно. Я вцепился в чужую провокацию обеими руками и довёл до того, что меня увели сюда. Чтобы до рассвета у меня не было возможности сделать глупость. Чтобы не осталось выбора. Мне было нужно не сорваться и не нестись в город, к их дому, не ломиться в дверь и не выяснять отношения с Лаурой и, главное, с её отцом. Я хотел, чтобы меня остановили.

И вот я здесь, хоть уже сто раз пожалел об этой идее. А сейчас... Сейчас я сидел и не знал, что делать. И злился на Руту. Злился за то, что она снова появилась. За то, что принесла этот ключ. За то, что дала мне выбор, которого я так боялся. У меня оставалось пятнадцать минут до вечернего обхода. Пятнадцать, чтобы решить — остаться и всю ночь жалеть о собственной нерешительности или идти и... что? Выслушать? Вцепиться в прошлое? Украсть для нас ещё одну ночь?

«Случайность», — повторил я прочно вошедшее в обиход слово. На практике все называли это так. Случайность. Старая древесина. Порыв ветра в неправильный момент. Плохая связка на стыке, которую не заметил никто. Случайность, за которой стояла она — последняя, кто проверял крепления. Её зона ответственности. Ртуть. Именно она стояла между моим счастливым прошлым и той роковой случайностью, которая унесла жизнь Бьерна и отняла Лауру.

И да, я бы предпочёл, чтобы из моей жизни исчезла именно Рута, а не Лаура. Не Бьёрн. Чтобы всё осталось как было. Мне не стыдно признаться в этом. За свои даже случайные ошибки должен платить сам человек, а не те, кто оказался рядом.

Я ещё раз посмотрел на ключ, принимая решение. Встал. Кровать скрипнула. Было так тихо, что я услышал, как где-то за стеной в трубе пробежала вода. Я взял ключ, сжал его в ладони и решительно вышел в тёмный коридор.

Дверь камеры бесшумно захлопнулась за моей спиной. Я на секунду замер, восстанавливая сердечный ритм, это заняло пару секунд, но иногда и их может не быть. Это дурацкое выгорание добивало. Раньше я не замечал, как магия проходит сквозь меня. Иногда даже брал из источника неосознанно, но сейчас всё изменилось. Я привыкал к выжженной пустоте внутри. И учился существовать с ней. Пока получалось не очень. И спросить, было не у кого, приходилось продолжать играть роль лучшего. А как можно быть лучшим, если ты не полноценный?

Я двинулся привычным маршрутом, который мы когда-то наметили с Бьёрном, проверяя каждый поворот на наличие дежурных. Лестница наверх была пуста. Я уже почти достиг

первого этажа, когда услышал голоса и прижался к холодной стене, слившись с тенью. Мимо прошла группа студентов, оживлённо обсуждая вечеринку; кто-то нёс ящик с бутылками, кто-то смеялся. Они прошли, не обратив на меня внимания.

Первый этаж общежития гудел, как улей. Из-за дверей доносилась музыка, слышался смех, кто-то кричал что-то о предстоящих выходных. Никто не обратил на меня внимания — просто ещё один студент в толпе. Я проскользнул к главному выходу и оказался на улице. Ночной воздух был прохладен и свеж после затхлости подвала. Я глубоко вдохнул, прогоняя из лёгких запахи сырого камня и старой пыли.

Пахло мокрой землёй и прелой листвой. Недавно прошёл дождь. Лампы вдоль дорожек давали мягкий, медовый свет, выхватывая из темноты мокрые плиты и влажные ветки. Я свернул направо и пошёл через сад Академии. Ветки старых яблонь висели низко, цеплялись за плечи и роняли капли, оставляющие на одежде темные отметины. Под ногами хрустели мелкие камешки, и каждый звук казался слишком громким в этой тишине. Сад тянулся полумесяцем до кованого забора — высокого, с острыми пиками, чёрными на фоне тёмного неба.

Я знал, какая секция там иллюзорная: третья от старого фонаря, где стекло чуть зеленее остальных. Эту лазейку нашёл ещё на первом курсе, когда искал способ сбежать в город без лишних вопросов. Местные магистры поставили морок для красоты, но не обновили заклинание, и теперь часть решётки — просто обманка. Подошёл, задержал дыхание и, не сбавляя шага, прошёл вперёд. Железо передо мной дрогнуло и растворилось дымкой, как сон. На мгновение кольнуло где-то в висках — слабый отклик на проход сквозь иллюзию. За спиной снова сомкнулась «решётка».

Снаружи начиналась полоска гравия — стоянка. На ней приткнулись стремни — лёгкие ездовые машины с кристалльными сердечниками. Эти сердечники — небольшие артефакты, накапливающие магию, которая преобразуется в движение; у каждой модели свой рисунок глифов, отвечающих за скорость и манёвренность. Узкие корпуса, длинные гибкие рули, по бокам — арки-подвесы с глифами амортизации, гасящими толчки на ухабах. Мой стремя стоял чуть поодаль: чёрный, с матовой «кожей» корпуса и тонкой линией серебряной вязи на баке — личный транспорт, доставшийся от брата, который закончил академию три года назад.

Я подошёл, положил ладонь на седло. Артефакт под ним отозвался знакомым гулким вибрацией, когда я коснулся браслетом контактной пластины. Браслет — пропуск резонатора, он же ключ к личным вещам и транспорту. Сердечник внутри мягко засветился, по корпусу пробежала рябь тёплого света. Я перекинул ногу, устроился поудобнее, рукоятки легли в ладони привычно, становясь продолжением рук. Осталось только тронуться.

— Давай, — сказал я вполголоса.

Глава 4

Эрик

Сердечник вспыхнул мягким светом, стремясь ожил и завибрировал. Я поставил ноги на подножки, удобнее ухватился за руль, и сорвался с места вместе с ветром. Глифы на дугах загудели в унисон. Аллея мелькнула, фонари превратились в светящуюся, тянущуюся вдоль дороги полосу. Я вывернул к боковым воротам, прыжком взял низкий бордюрик, и город раскрылся спереди, как карта: узкие улицы, редкие стремни и самоходные экипажи, свет в окнах.

Я мчался в сторону центра, где каменные дома стояли плотнее, а вывески мягко светились над дверьми. Шины шуршали по мостовой. Воздух был прохладным и чистым, иногда приносил запах дыма и сладкого сиропа из открытых допоздна кофеен. Я сбросил скорость у площади со старой башней и часами, свернул на улицу, ведущую к нужному кварталу. Сердце стучало уже спокойно. Решение сделано — значит, проще дышать. Сейчас мне казалось, я готов принять любой ответ Лауры, смириться с любым решением.

Я остановил стремя у кованой стойки, защёлкнул замок, накрыл сердечник глушащей сетью — пусть ночной дозор и не сверяет номера в эту пору, привычки вбиваются намертво. Поднялся на тротуар и посмотрел на дом. Фасад светлый, гладкий, с колоннами у входа. Большие окна второго этажа отливали янтарём. Я замер перед парадной дверью, внезапно осознав всю безумность порыва. Что я скажу? Ворвусь и потребую объяснений среди ночи? Меня просто выставят или, того хуже, вызовут стражу.

Я отступил в тень; сердце снова забилося чаще. Нет. Не через дверь. Есть другой способ. Я обошёл дом, нашёл знакомую водосточную трубу и, ухватившись за неё, начал карабкаться по шероховатой стене. Камень крошился под пальцами, но я добрался до узкого парапета второго этажа и замер у хорошо знакомого окна. Сколько раз я забирался так, к ней в комнату? Сердце сладко заняло от воспоминаний. Мне было больно от того, что все это осталось в прошлом. Почему Лаура согласилась на это нелепую помолвку? Почему ничего не сказала мне?

В комнате горел тёплый свет. Над столиком колыхалось пламя свечи, которая стояла в изящном серебряном подсвечнике. На полу лежал светлый мягкий ковер. В кресле у камина я заметил силуэт со светлыми блестящими волосами, свободно перекинутыми через плечо. Я узнал бы ее из тысячи, мне даже лицо видеть было не нужно. Рядом — ещё пара силуэтов, подруги. На столике — бокалы и открытая бутылка игристого. Не похоже, что Лаура расстроена; это меня озадачило. Девушка смеялась так, как давным-давно смеялась со мной, когда я свалился с балкона прямо на ковёр и клялся, что это часть плана. Не такую картину я рассчитывал увидеть.

Я замер, не понимая, что делать, когда одна из девушек задала вопрос, заставивший меня вслушаться.

— Не жалеешь, что променяла молодого и горячего Эрика на Норста?

«Ну же... — раздражённо подумал я. — Давай, Лаура, отвечай на поставленный вопрос». И в смысле «променяла»? Это ведь не твоё решение? Или...

Я высунулся на узкий парапет чуть сильнее и прислушался. Окно было приоткрыто, разговор слышался хорошо.

Я смотрел на Лауру. Знакомая улыбка, ямочки на щеках, шёлк золотистых волос, словно подсвеченных закатным солнцем и достигающих практически талии. В голове крутился один и тот же вопрос: а знаю ли я её на самом деле?

Девушка, поигрывая бокалом на тонкой ножке, плавно отклонилась в кресле, и на её лице мелькнула усмешка — лёгкая, почти незаметная, но от этого не менее задевающая. В полумраке гостиной её глаза блестели холодно, отстранённо.

— Ну о чём ты говоришь? — Она закатила глаза, будто удивляясь наивности собеседницы. — Красивый, милый мальчик... Он бы тоже мог стать удобным мужем... Но нет.

— Почему же? — Подруга Лауры прищурилась, подалась вперёд, опершись локтями на столик. В её голосе звучало неподдельное любопытство, смешанное с лёгким недоумением.

— Я никогда его не любила. Свобода и Эрик — это был вызов родителям. Я поступила в Академию Резонаторов, чтобы доказать им, что могу быть самостоятельной, но случившееся... — Лаура резко отвернулась, и я перестал видеть её лицо. Но я слишком хорошо её изучил — или мне так казалось до этого момента. Я был уверен: сейчас на её щеках блеснут слёзы, хоть она и старается их скрыть.

Лаура не выносила, когда кто-то видел её слабость. Она всегда держала лицо. На секунду воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Я уже хотел уйти — подслушивать дальше не имело смысла. Оказывается, я был просто вызовом родителям, которые подыскали для дочери более выигрышный вариант. Как иронично! Более выигрышный, чем я.

Двойной удар по самолюбию. Мой род был древним и богатым, я никогда не думал, что с точки зрения родителей Лауры я был неким вызовом. Не настолько сильным, чтобы препятствовать нашим отношениям, но и недостаточно хорошим кандидатом в мужья для их дочери, чтобы радовать их и не иметь более выгодного варианта про запас — на тот случай, если Лаура одумается.

Я отстранился от окна, уже планируя начать спуск. Но тут Лаура повернулась и заговорила. Её слова, казалось, были призваны добить окончательно.

— В общем, после того, как я чуть не погибла, поняла, что моя попытка сделать что-то назло родителям... это такая глупость! Академия перестала иметь смысл, а вместе с ней перестал иметь смысл и Эрик... Я поняла. Любви нет, а если без любви... то стоит выбирать наиболее выигрышный вариант.

— Ну-у... — протянула её подруга, задумчиво крутя на пальце локон. — Если ты не знаешь, что такое любовь, то не значит, что её нет!

— А кто сказал, что не знаю? — засмеялась моя уже бывшая девушка. Её смех был неестественным, резким, словно стекло. Он резанул по ушам, но я не стал слушать дальше.

Развернулся и спрыгнул с подоконника. У самой земли немного притормозил себя магией, хотя был огромный соблазн этого не делать. Только если я покалечусь, кому от этого станет легче? Кому я что докажу? Вряд ли Лаура прибежит меня жалеть. А если и прибежит? Приму ли я её жалость? Определённо нет.

Воздух был прохладным, пропитанным запахом осенних листьев и далёкой грозы. Я шёл, не разбирая дороги, чувствуя, как внутри разрастается пустота — холодная, безмолвная, безжалостная.

Рута

С утра мы встали раньше, и поэтому уныло ковыряли овсянку за полчаса до первой пары. Во всём была виновата Эстер: именно её будильник поднял нас в несусветную рань. Подруга пояснила, что боялась проспать. Определённая логика в её словах была: с Лаурой мы обычно бежали сломя голову и завтракать не успевали.

Кусок не лез в горло, я волновалась, но всё равно упрямо трамбовала в себя клейкую, не слишком вкусную кашу. Не поесть перед практикумом — самоубийство. А тут ещё предстояла встреча с новым куратором. Волнительный момент, особенно для меня. Если на меня обрушится ещё и предвзятое отношение преподавателя, боюсь, единственным выходом будет забрать документы. А этого я делать совершенно не хотела.

После завтрака мы уже собрались идти в основной тренировочный зал, когда на стенде с расписанием обнаружили записку, написанную острым почерком: «Звено 6-А. Практикум состоится в малом ангаре с акустическими экранами. Керн ре Новар».

Малый ангар был относительно небольшим, но продуманным: стены закрывали акустические экраны, потолок давал рассеянный свет, пол устилала мягкие татами. Я всегда любила такие залы — тут пространство само настраивает на работу в нейтрале: звук гаснет быстро, лишнее не резонирует. Мы с Эстер заняли место у ближней к выходу стены, сели по-турецки. Я проверила браслет-якорь: он был прохладным, а значит, баланс сил находился в норме.

Почти сразу за нами в ангар вошёл незнакомый парень. Довольно высокий, худощавый; в широком тренировочном костюме фигура читалась плохо — то ли жилистый, то ли просто тощий. Его лицо с острыми чертами и аристократической бледностью было бы красивым, если бы не выражение полного безразличия. Тёмная чёлка скрывала глаза. Он швырнул рюкзак в угол и бесшумно опустился у стены, вытянув длинные ноги. Не глядя ни на кого, достал из кармана кристаллический коммуникатор — люмопланшет: дорогая и пока редкая вещь, тонкая, прозрачная пластина, по которой побежали светящиеся строки. Он уткнулся в неё, полностью отгородившись от реальности.

Следом появились Бьянка и Силь. Силь бросила короткий, оценивающий взгляд на незнакомца и хихикнула, прикрыв рот ладонью. Бьянка даже не замедлилась, но всё же взглянула из-под ресниц — скорее оценивающе, чем заинтересовано. Как бы я к ней ни относилась, Бьёрна она любила и вряд ли отошла от потери. Девушки устроились в стороне, принципиально игнорируя нас с Эстер.

Потом в зал решительным шагом зашёл Тристан в простом спортивном костюме. Он нейтрально поздоровался со всеми и сел на своё обычное место по правую руку от меня. Мы никогда тесно не общались, но то, что он не поменял место, означало, что воевать со мной он не собирается. Впрочем, он ни с кем не воевал. Тристан просто хотел доучиться и вырваться из нищеты, получив приличную работу. Отчасти наши цели совпадали: я тоже хотела доучиться и вырваться.

За ним, придерживая дверь Амоне, вошёл Фил — вежливо, как умеет только он: с такой улыбкой, что хочется проверить карманы. Он дёрнул бровями, увидев новичка у стены, но комментировать не стал и бесцеремонно плюхнулся между Бьянкой и Силь, приобняв их за плечи. Амона помедлила. Она всегда держалась чуть в стороне: подданная Элоинды, соседнего государства, она изначально была немного чужой, но при этом желанной в любой компании. Лучше всего она ладила с Лаурой и обычно сидела рядом с нами, а сейчас замерла. И, выбирая между мной и Бьянкой, опустилась на татами рядом с Бьянкой. Впрочем, возможно, объяснение было проще: она не горела желанием общаться с Эстер — для Амоны, выросшей в довольно строгом обществе, синие волосы были как минимум непонятны.

Почти все собрались. Эрика не было. В груди что-то на секунду сжалось и отпустило. Я не знала, радоваться его отсутствию или тревожиться.

Глава 5

Ровно в девять, когда мы ещё расслабленно и тихо переговаривались, открылась дверь, и в зал уверенным шагом вошёл мужчина лет тридцати с небольшим. Высокий, спортивный; короткая военная стрижка подчёркивала линию черепа. Стальные глаза — холодные, внимательные — беспристрастно оглядели нашу группу.

Новый куратор был красив, но той редкой мужской красотой, которую не выставляют напоказ. Она читалась в правильных, гармоничных чертах лица, в безупречно прямой осанке, в широком, уверенном развороте плеч. Но Керн ре Новар никак её не подчёркивал: свободный спортивный костюм защитного цвета, практичные армейские ботинки. Ни знаков отличия, ни украшений, хотя многие преподаватели любили носить артефакты, служившие частью образа, и подпитывающие силой. Хороший дорогой артефакт был красив и практичен, говорил о том, что его обладатель может себе позволить дополнительный источник энергии. Ре Новар же демонстрировал, что дополнительные источники ему не нужны.

Я обратила внимание, как жадно, почти по-кошачьи, изучает преподавателя Силь, тогда как Амона, наоборот, стыдливо опускает глаза. Сам ре Новар, казалось, не различал нас по полу. Смотрел одинаково нейтрально на всех.

В зале пахло чистой тканью, пылью и резиной; акустические экраны по стенам гасили любой посторонний звук.

Керн не улыбался. И мне почему-то показалось, что он не умеет. Он обвел нас взглядом, отметив, для себя что-то, но пока ничего не сказал. Остановился в центре круга татами.

Наши, хоть и смотрели на нового преподавателя с настороженностью и вызовом (всё же он пришёл на место человека, которого многие воспринимали как отца) поднялись с татами, приветствуя.

— Садитесь, — без эмоций скомандовал он. Когда мы опустились, продолжил тем же ровным тоном: — Кольца, цепочки, браслеты, серьги на тренировке снимаем. Чтобы я не видел на вас ничего, что может представлять опасность для вас или ваших соседей.

— Ну мы же не первокурсники, — фыркнула Бьянка с вызовом, даже не попытавшись снять длинные серьги.

Куратор посмотрел на неё жёстко, но без ответного вызова, скорее, с холодным разочарованием.

— Дело не в возрасте или уровне подготовки. Я видел оторванные пальцы у тех, кто зацепился кольцом за контур. Видел разорванные мочки. Видел, как погибали люди, потому что в ответственный момент цепочка на шее вошла в резонанс с линией. Они тоже не были первокурсниками. И тоже однажды решили, что им ничего не угрожает.

— Но мы же не будем работать там, где служили вы! — томно протянула Силь, хлопая ресницами. — Мы будем просто сидеть в кабинетах, украшая собой департамент...

— Тем обиднее будет украшать кабинет без пальца или мочки уха, — отрезал он.

Вдоль ряда прошёл шорох: народ начал сдаваться, стягивая украшения и артефакты. Металл звякал, раздавалось раздраженное бурчание.

Силь, удивительное дело, даже не возмутилась. Она прикрыла глаза и томно уточнила:

— А пирсинг тоже снимать?

— Снимайте весь металл, — не моргнув, повторил Керн.

— А если он у меня не только в пупке... — начала она с притворной невинностью.

Керн остановился и медленно обернулся к девушке; взгляд стал ещё холоднее.

— А вы, проучившись три года, так и не выучили, где здесь находится санузел? — ледяным тоном уточнил он, глядя Силь прямо в глаза.

Та надула пухлые губы, но послушно опустила и перестала улыбаться. В зале стало тише: даже Фил убрал ухмылку и небрежно кинул цепочку в угол.

Эстер сняла свои многочисленные серьги и два браслета и спрятала в рюкзак. Керн перевёл взгляд на меня.

— А вам, леди, нужно особое приглашение?

Я пожалала плечами и вытянула руки, показывая запястья и пальцы. Мой защитный браслет, положенный всем серебрянолодым, плотно обхватывал запястье, почти не выделяясь на коже. Снимать его было нельзя.

— А у меня ничего нет, — спокойно ответила я.

Керн удовлетворённо кивнул и, не меняя тона, обратился к группе:

— Поучитесь у своей одноклассницы...

— Чему именно? — резко, с ненавистью в голосе, огрызнулась Бьянка. — Халатности? Или тому, как убивать своих?

В помещении воцарилась гулкая, давящая тишина, в которой повис невысказанный приговор. Даже акустические экраны, казалось, перестали гасить звук — просто не осталось, что гасить. Я мысленно потянулась к энергетической линии и сосчитала: четыре — четыре — шесть. Положила ладонь на якорь. Четыре — четыре — шесть. Все замерли, ожидая вердикта Керна.

Но тут дверь хлопнула, и на пороге, невольно разрядив атмосферу, появился мрачный Эрик. Керн даже бровью не повёл: лишь коротко кивнул в сторону свободного края татами. Эрик сел, не взглянув ни на кого.

— Ну раз все в сборе, продолжим. На прошлой практике ученик допустил ошибку, — произнёс он, не поднимая голоса. — А инструктор, который эту ошибку не предвидел и не перепроверил, допустил халатность. В моих глазах вина инструктора выше. Запомните это. Ваша жизнь может зависеть от того, насколько хорошо я вас проверю.

Он сделал паузу и обвёл присутствующих в зале цепким, внимательным взглядом. Убедившись, что эти слова дошли, продолжил:

— Вы учитесь, сдаёте зачёты и экзамены, настраиваете контуры в зале. Реальный доступ к объектам вам даёт диплом. До этого никто не имеет права пускать вас «на улицу». Нет «простых» и «сложных» заданий. Есть задания в учебных аудиториях, и есть задания вне их. За все ошибки там отвечает преподаватель. Без исключений — это в трудовом договоре прописано. Здесь вам не угрожает ничего: цена вашей ошибки — несданный зачёт. Цена ошибки на улице — чья-то жизнь. И эта жизнь на совести преподавателя, который сначала принял зачёт у студента, допускающего такие оплошности, а потом не проверил то, от чего зависела жизнь его звена.

Я видела, как у одних на лицах застыло непонимание, а у других появилось возмущение. Они привыкли, что вину сваливают на того, кто оказался «крайним», чья рука совершала действие. А тут им говорили, что виноват тот, кто стоял сзади и должен был эту руку страховать.

— Вашего преподавателя просто уволили, — сказал Керн так спокойно, будто перечислял инвентарь. — А должны были посадить за халатность. Простите, но после его... работы я всех вас считаю нулевыми. Мне наплевать, какие оценки он вам ставил. В моём понимании, вы все представляете опасность — друг для друга, для себя и моей карьеры. Пока я не буду уверен в каждом из вас, — закончил он, — на реальные задания не выйдет никто.

— Но у нас практика должна быть! — не выдержал Тристан. Голос у него сорвался к концу, но он поднял голову и выдержал взгляд Керна. Я всегда в нём это уважала — не храбрость даже, а упёртый здравый смысл.

— Вашу программу пересмотрели, — ответил Керн без тени раздражения. — Пока я не убежусь, что летом была трагическая случайность, практики не будет.

По залу пронёсся возбуждённый ропот. Мы привыкли считать себя лучшими. А теперь получалось, что я не только допустила ошибку, из-за которой погиб человек, я подставила под сомнение квалификацию всего звена. И этого мне тоже не простят.

— Ну ты, Ртуть... молодец. Отличилась — так отличилась... — прошипела Бьянка мне на ухо, проходя мимо.

Я промолчала и встала в строй. Никто не говорил, что будет просто. Странно, что Эрик молчал. Ещё вчера он бы присоединился к Бьянке, а сегодня сам на себя непохож. Интересно, решился ли он на встречу с Лаурой? Впрочем, это не моё дело.

— Ну раз мы обсудили все глобальные вопросы, пора перейти к практике. Встаньте, — скомандовал Керн. — Строимся полукругом. Посмотрим, на что вы способны.

Голоса стихли. Мы поднялись с мест; татами приятно холодили босые ступни. Я машинально поправила браслет на запястье. Металл мягко обнимал кожу, и мелкая дрожь в пальцах, терзавшая меня с самого утра, наконец отступила. Но внутри, под рёбрами, по-прежнему ощущалась испепеляющая пустота — выжженная сердцевина, напоминание о том, что я неполноценный резонатор. Я привыкла к этому и давно не заостряла внимания, но в моменты сильного стресса особенно остро чувствовала свою ущербность. Привычно выдохнула, перевела взгляд на линии энергопотоков, пронизывающих зал. Я знала их расположение наизусть, но проверка успокаивала.

— Ты. — Преподаватель указал на Амону. — Напомни нам, кто такие резонаторы, и в чем заключается их работа.

— Мы в ясельной группе? — фыркнула Бьянка и закатила глаза. Керн на нее даже не взглянул, а Амона начала отвечать низким голосом с едва заметным южным акцентом, который выражался в том, что она слегка тянула согласные буквы в словах.

— Резонатор — это маг, который следит за состоянием общественных магических сетей. Только резонаторы видят магические линии и могут ими управлять, переплетать, ставить якоря, настраивать. Остальные люди, могут черпать энергию только из якорей. Раньше исключительно природных, а сейчас и тех, которые устанавливают резонаторы.

— Все верно. — Керн кивнул. — Раньше мы жили по законам природы, магия была хаотично раскидана по миру. Люди находили места силы — те, в которых был создан и закреплен природный якорь. Таких мест силы было немного, ведь чтобы закрепить якорь, магически потоки должны быть ровными, без расширений, с одинаковым током силы, как вены без тромбов. В природе такое случается редко. И лишь определенный вид магов может черпать силу ото всюду. Надо сказать, именно таких людей в древности и называли истинными магами, а остальные считались обычными людьми... низшего сорта. Но со временем резонаторы научились настраивать магические потоки, выравнивать их, находить нейтраль и настраивать, как струны музыкального инструмента. И уже на идеально выверенную нейтраль ставить якорь, который дает доступ к силе всем остальным людям. Поэтому, какое самое важное упражнение для резонатора?

Глава 6

Вопрос был риторическим, и все это понимали. Керн обвёл нас тяжёлым взглядом и продолжил:

— «Нейтраль». Ваша задача — привести себя и свой браслет-синхронизатор к эталонному, спокойному состоянию без всплесков, на пределе вашего рабочего энергоресурса. Сереброволосые работают на полном, но не предельном резерве. Четыре цикла. У кого будут «хвосты» — нестабильные остатки энергии, — остаются на дополнительную отработку. Но к третьему курсу у вас уже не должно быть таких проблем. Берём энергию аккуратно, без всплесков, распределяем по внутреннему резерву.

Я слушала вполуха, потому что про себя уже прокручивала алгоритм: вдох — забор из ближайшей нити, задержка — распределение по каналам, выдох — фиксация в браслете и якорение остаточного фона. Для здорового резонатора это просто разминка. Для меня — каждый раз экзамен. Выжженная сердцевина не держит запас, приходится брать ровно столько, сколько могу провести через себя, не обжигая остатки. Слишком мало — появится «хвост», нестабильный остаток, который начнёт фонить и выдаст мою слабость. Слишком много — могу просто не выдержать, и тогда рванёт уже по-настоящему. Если бы моя сердцевина была в порядке, то недостаток я могла бы восполнить из нее, а излишек в нее убрать, но в моем случае, магия так не работала, требовался более точный расчет. Немного помогал браслет, но даже он не мог заменить полноценную сердцевину.

Рядом Эстер замерла в стойке, чуть расслабив плечи. Она перехватила мой взгляд и едва заметно подбадривающе кивнула. Я слотнула, сосредоточилась на дыхании.

— Начали, — коротко бросил Керн.

Я закрыла глаза, чтобы не отвлекаться на чужие ауры. С первым вздохом потянула тонкую, чуть тёплую нить из рассеянного фона над полом. Она скользнула в ладони, привычно зашипало кончики пальцев. Задержка. Провела поток через грудь, стараясь не задеть пустоту в центре, направила в браслет. Тот слабо дрогнул, принимая заряд. Выдох — и одновременно мысленно заякорила остатки, размазав их по внешнему контуру, чтобы не фонили.

Открыла глаза. Первый цикл прошёл чисто. Краем глаза заметила, как у Тристана на браслете вспыхнул и погас красноватый отсвет — «хвост». Он чертыхнулся сквозь зубы, но Керн даже не повернул головы, только пометил что-то в планшете.

Второй цикл. Я уже смелее потянулась к чуть более плотной жиле, проходящей под потолком. Провела, распределила, зафиксировала. Внутри привычно кольнуло, но я знала: это просто память о том дне, когда всё сторело. Не обращать внимания.

Третий цикл. Дышать становилось легче, тело входило в ритм. Я почти расслабилась, когда заметила, что Эрик, стоящий через два человека от меня, тоже справляется без видимых усилий. Его браслет светился ровным, глубоким золотом — ни намёка на сбой. Интересно, как ему это удаётся с выжженной сердцевиной? Или он так быстро научился маскировать? Но думать об этом было некогда.

Четвёртый цикл пролетел незаметно. Я выдохнула, позволив себе на мгновение открыть глаза и оглядеться. Половина группы уже закончила, кто-то ещё дотягивал последние секунды. Керн молча прошёлся вдоль строя, взгляды в браслеты, и, наконец, остановился в центре.

— Трое с хвостами, — сухо констатировал он. — Остальные — удовлетворительно. Сереброволосые. — Он скользнул взглядом по мне и Эрику. У вас нет права на лишний резерв, значит, работаете тоньше. Понятно?

— Понятно, — ответила я. Эрик промолчал, но возможно, просто ограничился кивком.

Керн хмыкнул и махнул рукой:

— Пять минут перерыв. Потом продолжим.

Группа расслабленно выдохнула и рассредоточилась по залу. Я отошла к стене, прислонилась спиной к прохладной панели и прикрыла глаза. Пальцы слегка подрагивали — сказала нагрузка, но в целом я справилась. Эстер подошла бесшумно, встала рядом.

— Дыши, — тихо сказала она, глядя куда-то в сторону, но я поняла: это и про упражнение, и про всё остальное. — Похоже, наш куратор суров, но справедлив.

— Знаю, — беззвучно ответила я и размяла затекшую шею. Как раз вовремя.

— Начинаем, — предупредил Керн. — Теперь работаем с браслетами.

Голубые камни на моём браслете вспыхнули, готовые фиксировать малейшие колебания. Мы положили ладони на браслеты — тёплый металл привычно отозвался на касание. Я сосредоточилась, стараясь поймать эталонную вибрацию: ровную, глубокую, без единой ряби. Это как настраивать струну: если перетянешь — лопнет, если слабо — звук будет пустым. Нужно найти ту самую середину, где энергия течёт свободно, но не захлёстывает.

Внутри, как всегда в первом цикле упражнений, возникло знакомое напряжение — нетерпение, желание сделать всё быстрее, чтобы доказать себе, что я ещё чего-то стою. Поток, который я потянула из ближайшей нити, пошёл ровнее и чуть успокоился, но я знала эту ловушку: спешка рождает «хвосты». Пришлось усилием воли замедлиться, буквально придержать дыхание: вдох на четыре счёта, пауза на четыре, выдох на шесть. Я представила, как серебряная струйка втекает в кончики пальцев, поднимается по руке, огибает пустоту в груди — выжженную сердцевину — и мягко растекается по браслету.

На двадцатой секунде браслет мигнул ярче, предупреждая, что перепад слишком резкий. Я расслабила плечи, сбросила зажим в шее и плавно завершила цикл, растянув последние три счёта. Камни ровно засветились и погасли. Чисто. Хотя пальцы чуть подрагивали.

— Следующий, — сказал Керн, даже не взглянув на меня. Он стоял в центре полукруга, скрестив руки, и сканировал каждое движение.

Мы повторили. Второй цикл пошёл легче: я уже вошла в ритм, почти не думала о технике. Именно в этом состояла настоящая работа резонатора, искать в потоках магии всплески и выводить в нейтраль, чтобы магическими нитями можно было пользоваться. Мы магические настройщики, наша работа зачастую незаметна, но незаменима. Краем глаза видела, как у Фила на пятнадцатой секунде индикатор полоснул красным — явный перебор, он сам себя притормозил, дёрнув плечом. У Силь дрогнула рука, и браслет замигал тревожными огнями, словно маленький маяк. Она явно злилась — и на себя, и на Керна, который недовольно покачал головой, но ничего не сказал. Только когда она закончила цикл, бросил коротко:

— Уменьши амплитуду.

Силь вспыхнула. Она не любила показывать слабость, а прежний куратор за такие мелочи не ругал. Он их даже не замечал. Керн замечал всё.

Я перевела взгляд на новичка. Он работал так, будто делал это всю жизнь: ни всплесков, ни провалов, идеальная прямая. Но полоска на его браслете едва светилась, словно он пропускал через себя минимум, просто чтобы формально выполнить задание. Керн ненадолго остановился рядом:

— Увеличь мощность на четверть и добавь амплитуду. Ты работаешь слишком узко.

Новичок безразлично кивнул и повинился. Будто щёлкнул тумблер — его индикатор ожил, засветился ярче, но остался идеально ровным, без намёка на рябь. Кто он? Мне стало интересно. И почему от него веет пустотой — не выгоранием, а чем-то иным. Словно ему неинтересно, что тут происходит: он не выкладывается даже в полсилы, а просто выполняет требование, как робот. И делает это идеально.

— Третий цикл, — напомнил Керн.

В этот раз я поймала то состояние, о котором он говорил в начале, — абсолютный ноль, без малейших вибраций. Внутри стало легко и пусто, как в безветренный день. Я даже не думала о том, как тяну энергию, она просто текла сама, идеально дозированная. Но ровно на середине цикла внутренний сгоревший стержень завибрировал — тупой, ноющей болью. Бесит. Именно в такие моменты особенно остро чувствуешь свою неполноценность. Вон Эстер стоит с закрытыми глазами, лицо спокойное, будто спит на ходу, а камни на её браслете горят ровно, как маяки в штить. У неё нет выжженной сердцевины, она целая.

На секунду мелькнула мысль: «А как там Эрик?» Я живу с этим уже шесть лет, успела приспособиться, научилась обходить пустоту, не задевать края. Детям с выгоранием помогают особенно тщательно — даже по госпрограммам, реабилитация, психологи. А Эрик только сейчас столкнулся с тем, чего раньше не знал. Интересно, он тоже чувствует эту вибрацию на каждом цикле? Но обернуться и посмотреть я не успела — мы перешли в следующий цикл.

— Четвёртый, — раздался ровный голос Керна.

Четыре цикла — это не блажь куратора. Именно так происходит настройка. Первый пристрелочный, второй и третий основные и четвёртый завершающий. Вся магия построена на этом. Сделать один цикл любого магического упражнения несложно, а вот четыре сохраняя нужный настрой и рассчитывая силы, дано не каждому. Именно поэтому, мы всегда на тренировке делаем четыре подхода или цикла.

Последний цикл я выполняла уже на автомате, хотя руки слегка дрожали от напряжения. Удержала нейтраль до конца, плавно сбросила остатки энергии в рассеивающий контур. Браслет погас. Я выдохнула и только сейчас заметила, что всё это время почти не дышала. В груди колело, но внутри разливалось удовлетворение: я сделала это правильно и хорошо. Несмотря на пустоту, несмотря на дрожь, несмотря на косые взгляды.

— Стоп, — сказал Керн. — А сейчас разберём ваши ошибки. Их немало.

Он прошёл вдоль строя, поправляя стойки, опуская зажатые плечи, давая короткие указания. Никаких унижений, никаких нотаций. Только «так» и «не так», и что сделать, чтобы исправить. Я невольно сравнила с Марном Валдросом, нашим прежним куратором. Тот был душевнее, шутил, рассказывал истории про свои молодые годы, про то, как чуть не провалил экзамен или как впервые поставил якорь в шторм. Эти истории согревали, создавали ощущение, что мы одна большая семья. Но, как выяснилось, многое он упустил. Под его опекой мы привыкли, что ошибки прощают, главное — старание. Керн не прощал. Он просто указывал на ошибку и давал инструмент её исправить. Без эмоций и лишних слов.

Керн остановился передо мной.

— Первый цикл сорван на двадцать второй секунде. Спешила. — Он говорил ровно, без тени упрёка, просто констатируя факт. — Второй и третий — чисто. Четвёртый — норма. Но на входе в первый цикл ты дёрнула слишком резко, отсюда предупреждение на браслете. Мощности держи чуть ниже до конца недели, пока не перестанешь нервничать. И ещё: на выходе ты слишком резко обрываешь контакт — отсюда «хвосты». Они тебе не видны, потому что ты их сразу рассеиваешь, но остаточный фон остаётся. Через час после упражнения он даст слабую головную боль.

— Поняла, — кивнула я, хотя «хвостов» действительно не заметила: мне казалось, всё было ровно, я контролировала каждый вдох. Но про головную боль он сказал точно — сейчас уже начало ныть в висках, просто я списывала это на усталость.

— И ещё. — Он на секунду задержал взгляд, и в этом взгляде мелькнуло что-то, похожее на... понимание? — Не пытайся прыгнуть выше головы. Ты работаешь так, будто должна доказать, что твой резерв не уступает другим. Но это не так. И это нормально. Это всё равно что одной рукой удерживать двуручник: можно, но зачем тратить столько сил? Проще выбрать подходящее оружие. Найдёшь своё — станешь лучшей. Не сражайся тем, что тебе не подходит.

Я хотела сказать, что и не планировала, что я просто делаю, как умею, но слова застряли где-то в горле. Он прав. Я правда каждым циклом пытаюсь доказать, что выжженная сердцевина не приговор. Но доказывать приходится только себе. Остальным всё равно.

Глава 7

— Идём дальше, — заметил Керн и двинулся по ряду.

Я проводила его взглядом. Эстер получила указание снизить амплитуду на входе и лучше опираться на стопы — у неё слегка смещался центр тяжести при заборе. Фил — работать молча и два дополнительных цикла в конце, за то, что чертыхался вслух и сбивал ритм соседям. Силь — дыхание по схеме 4—4—6 вместо её привычного сбивчивого ритма.

Новенькому Керн задал единственный вопрос:

— Имя?

— Дейм, — коротко ответил тот. Голос спокойный, без интереса.

— Дейм, держи мощь выше базовой. Твоего потенциала для этого достаточно. Ты работаешь вполсилы, это видно. Если тебе скучно — найди способ сделать упражнение сложнее.

Дейм чуть склонил голову — то ли кивок, то ли просто обозначил, что услышал. Ни эмоций, ни сопротивления. Ему действительно было скучно и все равно, и он даже не пытался это скрыть.

Рядом с Эриком преподаватель остановился, внимательно посмотрел. Эрик ответил упрямым взглядом и выдвинутой челюстью, всем видом показывая, что готов к схватке. Хотя в данный момент на бой его никто не вызывал.

— Чем быстрее свыкнешься со своим состоянием, тем меньше допустишь ошибок. Не пытайся работать на полную. Будет больно, неприятно и бесполезно.

— А вы откуда знаете? — с вызовом прошипел Эрик. — Вы вообще понятия не имеете, каково это — потерять всё за один день! Проснуться утром и понять, что ты больше не резонатор, а половина того, чем был!

Керн не дрогнул. Смотрел спокойно, выдерживая паузу ровно настолько, чтобы Эрик успел осознать, что сорвался.

— У меня богатый опыт. — Керн пожал плечами. — И с выгоранием, и с тем, что после него жизнь не заканчивается. Но если ты предпочитаешь злиться на весь мир вместо того, чтобы учиться жить заново — злись. Только не мешай другим работать и совершенствоваться. Ну и подыщи другое место для учебы.

Он развернулся и пошёл дальше, оставив Эрика осознавать случившееся. Глаза метали молнии, а руки сжимались в кулаки. Тот хотел что-то сказать, но передумал. Только стиснул челюсть так, что желваки заходили.

— На сегодня всё, — объявил Керн через десять минут, закончив обход. — Правило тишины: десять минут без разговоров. Контуры должны успокоиться — и вы вместе с ними. Украшения не надевать до следующего дыхательного цикла. Завтра продолжим.

Куратор приказал жестом опуститься, и сам сел на татами, закрыв глаза и положив ладони на колени скрещённых ног. Воцарилась тишина. Это правило не нарушал никто: умение стабилизировать потоки после нагрузки — важнейший навык, его вбивали с первого курса. Говорить нельзя, даже шептаться. Только дышать и давать телу остыть.

Я замерла на краю татами, перебирая пальцами едва выступающие над серебряной пластиной камни. Они ещё хранили тепло, хотя уже не светились. В зале было тихо — только ровное дыхание двадцати человек и далёкий гул вентиляции. И вдруг я поняла, что дышится легче. Воздух в лёгких есть, и пустота внутри ощущается не так остро. Не исчезла, но перестала давить. Наверное, это и есть тот самый «ноль», о котором говорил Керн. Просто быть, не пытаясь прыгнуть выше головы.

Эрик поднялся первым. Его браслет тускло мигал — «хвосты» не ушли, несмотря на усилия. Он вышел, не глядя ни на кого. За ним потянулись остальные. Бьянка бросила на меня раздражённый взгляд, потом потянулась к цепочкам на подоконнике. Силь, что удивительно, молчала. Я допускала, что наши «кобры» не трогают нас по одной причине: не хотят конфликтовать на глазах у преподавателя.

Эстер толкнула меня коленом.

— Жива? — беззвучно спросила она.

— Пока да, — также беззвучно ответила я.

Я знала, что будет дальше: шепотки за спиной, неприязненные взгляды в душевых, мелкие пакости. И если раньше меня ненавидели Эрик и Бьянка, а остальные просто держались на их стороне, то теперь даже нейтральный Тристан, думаю, будет не со мной. Что делать с этим, я пока не понимала. Но одно было очевидно: варианта «сдаться» у меня нет. Я закончила дыхательный цикл и плавно поднялась. Учебный день только начинался.

После занятия с Керном нас ждала обычная физическая подготовка в спортивном зале. Я не любила физнагрузку, но именно эти занятия помогали нам быть гибкими, сильными и выносливыми. Тренер, суровый мужчина с обритой головой, не церемонился; иногда мне казалось, что он считал нас не людьми, а какими-то не знающими усталости магическими существами: круговая тренировка — бег, выпрыгивания, планка, «лодочка», затем изматывающие связки на растяжку и координацию. Стонали на его тренировках все, и это даже было не очень стыдно.

К третьему кругу соленый и едкий пот заливал глаза. Футболка намертво прилипла к спине, а дыхание с хрипом вырывалось из легких. К четвертому кругу ноги гудели так, будто их наполнили свинцом, а мягкие татами казались райской периной, если рухнуть на них навзничь в позе звезды и лежать так, наслаждаясь моментом. Но пока это было недостижимой мечтой. Тренер прошелся вдоль нашей шеренги, безразлично покачал головой и прикрикнул:

— Живее, каракатицы! — и безжалостно добавил пять минут скакалки.

Мы дружно застонали, но спорить никто не решился. Эстер держалась молодцом. Ее усталость выдавала лишь легкая испарина на висках и алеющие щеки.

— Планка — сорок пять секунд!

Мы дружно рухнули на покрытие. Локти мгновенно заныли от жесткого контакта с полом. Каждая секунда тянулась мучительно долго, предательски подрагивали мышцы пресса, и хотелось упасть и отчислиться. В этот момент я искренне не понимала, зачем обрекаю себя на такие мучения. Все равно меня тут никто не любит, и стараний не оценит.

Когда, наконец, прозвенел таймер, зал выдохнул как одно измученное существо. Нас отпустили в душевые. С облегчением стянув через голову футболку, я прижалась спиной к холодной стене и постаралась выровнять дыхание.

В раздевалке царил привычная атмосфера: шум воды, приглушенное эхо, клубы пара и густой запах мыла. Мышцы дрожали, и немного кружилась голова. Все же летом я, видимо, маловато уделяла времени физической подготовке.

— Я в комнату, — сказала Эстер, застегивая куртку. — Молния разошлась на брюках, пока переодевалась перед тренировкой. Надо переодеться, заодно и в душ там схожу. Догонишь?

— Иди. — Я кивнула, чувствуя, как благодарна за эти моменты одиночества. — Я быстро. Минуточку только посижу, переведу дух и в душ схожу тут, чтобы тебя не торопить.

Сбросив остатки одежды на лавку, я прихватила мягкое вафельное полотенце и направилась в душ. Горячие струи ударили по затылку, смывая липкую усталость и остатки нервного напряжения. На несколько драгоценных минут я позволила себе роскошь ни о чем не думать — только вода, пар и ровное, спокойное дыхание. Мышцы расслаблялись под горячими струями, и усталость отступала.

Мне было хорошо, впервые за день. Напряжение покидало измученное тренировкой тело. И через десять минут я почувствовала себя почти живым человеком. Пожалуй, я даже смогу, вернувшись в комнату, не рухнуть в беспамятстве на кровать, а сделать что-то полезное.

Вернувшись в раздевалку, я подошла к скамейке, где оставила вещи и замерла. Деревянная поверхность была пуста. Не было ни спортивки, которую я только, что сняла, ни сменной одежды. Мне оставили только ботинки и носки. Остального будто и не было. Вот ведь мстительные, мелочные гадины!

Я коротко выдохнула, ощущая знакомое горькое разочарование. «Классика жанра», — пронеслось в голове. Отлучись на пять минут, и вот тебе результат. Мы, ей-богу, как в старшей школе! Я нервно обмотала полотенце потуже, с ужасом представляя, что придется идти по коридору в этом виде, на глазах у всех, кто окажется на моем пути. А если учесть, что сейчас время обеда, свидетелей будет немало.

Глава 8

— Прекрасно, — пробормотала я сквозь зубы. — Просто великолепно.

Сделав шаг к двери, я вдруг почувствовала, как под ногами пошатнулся пол. По коже пробежали мурашки, воздух стал гуще и дрогнул перед глазами. Привычный аромат девчачьего геля для душа сменился резким, чужим запахом дешевого мыла, хвои и морского бриза. Пар стал плотнее, очертания мебели и стен изменилось. Я моргнула и с ужасом осознала: на стенах висели другие крючки, плитка была темнее, лавки — шире. И главное, из-за перегородки доносились мужские голоса.

Похоже, сработало заклинание переноса, меня буквально дернули на полтора метра вправо, в соседний блок. Я оказалась в мужской душевой. Бьянка доработала привычную позорную схему! Сейчас я ни на миг не усомнилась, чьих это рук дело.

Голоса за стеной становились ближе:

— Да брось, Керн не настолько зверь...

— Смотри сам, потом не жалуйся.

Раздался шум шагов по мокрому полу, и он был опасно близко. На автомате я отступила в тень между шкафчиками, судорожно сжала полотенце на груди. Браслет на запястье холодно кольнул, фиксируя всплеск магии.

Я решительно не понимала, что делать, а до позора осталось буквально три... два... раз...

Наиболее дурацкую и позорную ситуацию было невероятно сложно придумать. Руки дрожали, дыхание сбивалось, но я осторожно нащупала в воздухе тонкую энергетическую нить, которая тянулась вдоль вентиляционного короба. На помощь пришла простая маскировка, как вчера на лестнице. Легкий сдвиг внимания. Я набросила на себя этот тонкий покров и замерла, слушая, как за перегородкой шуршит шторка, как падает на пол чей-то шампунь, как кто-то фальшиво насвистывает. Сердце бешено колотилось где-то в горле. Я поймала ритм дыхания: четыре — четыре — шесть. И стала ждать, сжимаясь от каждого звука шагов. Где-то рядом хлопнула дверь — кто-то вошел. Другой вышел. Я прикрыла глаза, потому что последнее, что я хотела видеть в завершение этого идиотского дня — это голые задницы наших парней. Нужно просто выждать удачный момент. Если повезет — выскользну, пока никто не смотрит по сторонам. Если нет... Я старалась не думать о том, что будет «если нет». Шансы на успех у меня были, думаю, никто из парней не ожидает в углу душевой увидеть полуголую девицу, а значит, маскировка работает. Меня не заметят, если не выдам себя каким-то нелепым действием. От напряжения хотелось плакать.

Я жалась в нишу между шкафчиками и стеной, пытаюсь слиться с холодной, серой плиткой. Полотенце предательски сползло ниже, я стиснула его так, что побелели костяшки пальцев. Я боялась лишний раз вздохнуть. Воздух стал густым и вязким, словно я пыталась дышать через мокрую шерстяную ткань. Сердце колотилось где-то в горле, удары отдавались в висках оглушительной дробью, заглушая даже шум воды. В горле першило, хотелось кашлять. Я сглотнула, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Считала молча, про себя, в такт пульсу: четыре — четыре — шесть. На выдохе замерла, задерживая дыхание.

Шаги становились всё ближе. Мужские голоса, обрывки фраз, сдавленный смех, короткое «угу», непристойные шуточки.

Я прижалась затылком к ледяной стене и почувствовала, как по позвоночнику побежала дрожь. В правом бедре свело мышцу. Неудобная поза давала о себе знать. Я не рискнула пошевелиться: любое движение, хрупкий покров маскировки порвётся, и меня обнаружат. Нет, я не боялась наших парней физически, но моё положение и так было очень шатким, такого позора я просто не перенесу.

— Пошли уже, — проговорил кто-то сиплым голосом, — пока не приперлось следующее звено. Там Шон, я ему на той неделе дал в морду.

— Да подожди, я волосы посушу...

— Ты что, девчонка? Сами высохнут.

Шорох одежды. Один, второй. Сдавленный смешок. Дверь хлопнула. Шум голосов стал удаляться. Я позволила себе крошечный, жадный вдох, но тут же снова замерла — слишком рано. Прямо за перегородкой кто-то полоскал горло с характерным булькающим «р-р-р». Плюнул в слив, фыркнул. Ладони стали влажными от липкого, холодного пота. Руки дрожали — мелко и назойливо.

Прошли ещё двое. Тристан тихо насвистывал знакомый мотив, Фил шикнул: «Заткнись», — и свист оборвался. Они проскользнули так близко, что воздух дрогнул у моего колена. Я сжалась ещё сильнее. В голове звенело. Внутренний стержень вибрировал на пределе. Не от магии, от дикой усталости, упрямства и этого комка страха в горле. Когда же эта пытка закончится!

Я считала дальше. Четыре — четыре — шесть. Губы непроизвольно задрожали; я едва не прикусила их, чтобы остановить тремор. Последний смешок стих. Шаги удалились. Стало странно, звеняще пусто.

Тишина накатила не сразу. Сначала будто кто-то приглушил общий шум коридора, потом постепенно растворились и последние шаги. Остался только ровный, почти умиротворяющий гул воды и мягкое эхо капель. Я выдохнула с облегчением, словно вынырнула из воды на поверхность. Чуть не закашлялась, но в последний момент сглотнула ком в горле. Пора действовать, у меня осталось совсем мало времени, одно звено ушло, но скоро придет на занятия другое. Попастся на глаза им еще страшнее.

Медленно, очень медленно расслабила онемевшее тело. Сдвинулась на шаг, потом ещё. Ладонь скользнула по холодному краю шкафчика. Маскировку держала рефлекторно, тонкую, как паутинку. Пахло мятой, чужим дезодорантом и мылом. Сделала ещё два шага. Босые ступни осторожно ступали по мокрой холодной плитке.

И тут я поняла, что ошибалась. В душевых я не одна. Я услышала шум льющейся из душа воды. Шум стал громче, будто кто-то подставил под воду спину. Я застыла, повернув голову на звук. Плечи свело судорогой. Сердце сперва замерло, потом провалилось куда-то в бездну.

Я всмотрелась в пелену пара. Сквозь неё проступал мужской силуэт. Парень был высокий, поджарый. Сквозь пар проступала линия широких плеч, расслабленные руки, блестящие мокрые дорожки на коже. Контуров плыли, но я узнала эту спину. Я знала, как выглядят все парни моего звена, а этого не перепутала бы ни с кем. Лёгкий наклон головы, выразительная линия шеи.

Парень стоял, повернувшись боком к потоку, спиной ко мне, опершись ладонью о стену, позволяя воде смыть усталость. Он был погружён в свои мысли. Я не видела его лица. Но мне и не нужно было. Я и так прекрасно знала, кто это.

Эрик.

Вода струилась по его спине, огибая каждый рельефный мускул, скользя по углублению позвоночника и теряясь ниже, в области упругих и явно натренированных ягодиц. Здесь всё было пропорционально, гармонично, каждая мышца будто вылеплена рукой вдумчивого скульптора. И оторвать взгляд от этой картины было чертовски сложно.

Тупой, животный страх кричал внутри: «Уходи! Беги!» Но ноги будто вросли в скользкий кафель. Вместо того чтобы рвануть к выходу, я, как замороженная, разглядывала мощный разворот его плеч, гладкую, смуглую от загара кожу, на которой блестели капли.

И этот самый совершенный экземпляр мужской анатомии, от которого следовало бежать без оглядки, продолжал спокойно стоять под струями воды, не замечая моего присутствия. Я наблюдала, как при незначительных движениях под кожей играют твёрдые мускулы. Как

капли, словно живые, скатываются по широкой спине, ниже и устремляются вниз, по длинным и сильным ногам. Парализованная стыдом и дурацким любопытством, я не могла сдвинуться с места.

Меня внутренне бросало от стыда и паники до какого-то истерического веселья. Идеальный, демоны побери, розыгрыш. Бьянка явно возомнила себя режиссёром чужих кошмаров. А я стояла в мужской душевой, в нескольких шагах от парня, который вчера на весь зал называл меня убийцей.

Я сглотнула, вцепившись в ткань. Может, не заметит? Если отступить на цыпочках, если не дышать...

Эрик слегка повернул голову. По мокрой шее сбегали струйки воды, а я забыла, как дышать.

Глава 9

Я сделала осторожный шаг назад. Мышцы дрожали от напряжения. Нога предательски, но почти бесшумно скользнула по мокрой плитке. Я поймала равновесие, полотенце поехало вниз, я едва успела его перехватить его на груди и замерла не дыша. В ушах стучала кровь.

Но меня обнаружили. Похоже, даже не взглядом, а, каким-то шестым чувством, той звериной интуицией, которая бывает у тех, кто всегда настороже. Эрик отнял ладонь от стены, на секунду замер, потом, неспеша, потянулся к крану и перекрыл воду. Шум прекратился, и в наступившей тишине моё сердце заколотилось с отчаянной силой.

Я отступила ещё на полшага. Маскировка ещё держалась — тонкая, почти невесомая. Эрик ловко взял полотенце с вешалки и, оборачиваясь ко мне, повязал его вокруг бёдер. Я поспешно зажмурилась, но успела разглядеть покрытые капельками воды мышцы груди и гладкие, перекатывающиеся под смуглой кожей кубики пресса. Зацепилась взглядом за тонкую полоску волос, опускающуюся от пупка ниже. Щёки вспыхнули, и я всё же не опустила взгляд ниже, но вот защита дрогнула, и я поняла, что уже её не удержу.

Мне конец.

Эрик сделал короткий, почти небрежный жест, будто сорвал невидимую пелену с воздуха. Мой хрупкий покров рассыпался, как мыльный пузырь. Я инстинктивно отпрянула, прижимаясь спиной к холодной кафельной стене. Влажное полотенце стало моим единственным щитом.

— Ты? — В голосе парня прозвучало неподдельное изумление.

В этот момент я готова была отдать всё, лишь бы провалиться сквозь плитку и исчезнуть, но судьба не была ко мне благосклонна. Мозг лихорадочно подсказывал отговорки, но все они как одна были идиотскими. Вряд ли Эрик поверит, даже в правдивую историю про подставу Бьянки.

— Чудесно, — произнёс Эрик почти без интонации, просто констатируя факт. — В женской раздевалке мест не хватило?

Горло пересохло. Я с трудом сделала вдох, чувствуя, как жар стыда разливается по щекам. Ненавижу оправдываться, а уж особенно перед Эриком. Я бы вообще предпочла с ним не пересекаться. Особенно когда на мне лишь это мокрое, куцее полотенце!

— Ну что? — Его губы искривила усмешка. — Понравилось шоу? Чья пятая точка произвела наибольшее впечатление?

— Иди ты! — огрызнулась я слишком резко и тут же пожалела. — Думаешь, я здесь добровольно?

— А по чьей же воле? — Он лениво поднял бровь, но в глазах мелькнула искорка понимания. — Хотя... могу и сам догадаться. Бьянка постаралась?

— Понятия не имею, — выдохнула я, чувствуя, как дрожь пробирает от макушки до пяток. Какая же нелепая ситуация. — Но шутка зашла слишком далеко.

— А кто говорил про шутки? — внезапно серьёзно спросил Эрик. Его взгляд стал тяжёлым и пристальным. — Я, Бьянка... всё звено... Наши жизни перевернулись. И этот поворот был не в лучшую сторону, и случилось это из-за тебя. Я думаю, эта милая выходка только начало.

— Я не виновата! — вырвалось у меня прежде, чем я успела обдумать слова. — Вы просто нашли крайнего!

— Обсуди это с нашим новым куратором, — холодно парировал Эрик. — Он, кажется, разделяет твою точку зрения.

— Нет! — Я резко встряхнула головой, и влажные пряди хлестнули по щекам. — Ты ничего не понимаешь. Он считает, что ошибку совершила именно я! Просто в его представле-

нии мы все — неразумные личинки резонаторов, поэтому за наши оплошности несут ответственность педагоги!

— Так оно и есть, — Эрик невозмутимо пожал плечами. — Это я про твою вину. Все знают, кто проверял крепления и печати...

Мой взгляд произвольно скользнул по торсу парня, акцентируясь на том, как капли воды стекают по рельефным мышцам. Я возненавидела себя за эту предательскую слабость, особенно в такой момент. Зачем я вообще его разглядываю!

— Нет! — прошипела я, сжимая кулаки. — Всё было сделано идеально. Я всё перепроверила. И я докажу, что не виновата!

С этими словами я рванула к выходу. Но рука парня молниеносно перехватила моё запястье — крепко, но не причиняя боли.

— Так и пойдёшь? — Его голос прозвучал неожиданно мягко, а взгляд скользнул по мне, задерживаясь на дрожащих пальцах, вцепившихся в полотенце.

— А разве у меня есть выбор? — Я сжала губы, чувствуя, как тепло его ладони проникает сквозь кожу. Хотела сказать, что это его подружка постаралась, но вовремя прикусила язык. Вряд ли стоит ругаться с единственным человеком, который в теории может мне помочь.

— Ну-у... — задумчиво протянул он, и на губах мелькнула загадочная улыбка. — Пожалуй, я мог бы поделиться с тобой частью своего, не буду скрывать, скудного комплекта одежды. Считай, что я возвращаю тебе долг за сегодняшнюю ночь.

Я замерла в нерешительности. Воздух между нами сгустился, наполняясь паром, невысказанными словами и странным, едва уловимым напряжением, в котором гнев смешивался с чем-то ещё — опасным и манящим.

Пальцы Эрика все еще обхватывали мое запястье. Предложение повисло в воздухе между нами, и я поняла: другого выхода действительно нет.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение немного спало. — Спасибо.

Эрик отпустил мою руку, и коже мгновенно стало холодно без его прикосновения.

— Не благодари, — он пожал плечами и обогнув меня подошел к своему шкафчику. — Услуга за услугу. Ты ведь вчера меня из карцера выпустила. Я привык отдавать долги.

Я промолчала, смутно осознавая, что мы с этим парнем входим в странный цикл взаимных услуг. Что же, это определено лучше, чем открытая ненависть.

Эрик достал из шкафчика сложенную темно-серую футболку и протянул мне. Ткань была мягкой и пахла свежестью. Пока я натягивала ее через голову, старательно пытаюсь не отпустить полотенце и сохранить остатки гордости, Эрик стянул с вешалки спортивные штаны.

Футболка оказалась на удивление длинной (или это я была мелкой). Она закрывала бедра почти до середины. Я с облегчением убрала мокрое полотенце и свернула его в валик. Несмотря на то что футболка Эрика на голое тело вызывала странное чувство обнаженности, это было куда лучше, чем мокрое полотенце, едва прикрывающее задницу.

Эрик тем временем натянул спортивные штаны, оставшись с голым торсом, и накинул на плечи свое полотенце. На коже все еще блестели капельки воды. Он промокнул их краем полотенца, двигаясь спокойно, будто мы не в первый раз оказывались вместе в душевой.

Мокрые волосы темными прядями падали ему на лоб, и он машинально откинул их назад привычным, отточенным годами жестом. У меня где-то в груди сжалось. Я вспомнила этот жест. На первом курсе я пришла в академию на неделю позже всех, и первой была тренировка в бассейне. Тогда я увидела красивого черноволосого парня и, кажется, сразу потеряла голову. Но он уже встречался с Лаурой, и я очень быстро забыла, как дрогнуло сердце при той первой встрече.

Сейчас изменилось всё — даже цвет волос Эрика, но на мгновение я вернулась на три года назад и снова увидела того харизматичного, веселого мальчишку, в которого были влюб-

лены все, а он не замечал никого, кроме своей девушки. Они действительно были красивой парой.

— Рута? Ты здесь? — раздался голос Эрика. — Что замерла, как статуя?

— Прости, — отозвалась я и машинально попыталась восстановить маскировочное заклинание.

Но Эрик резко покачал головой.

— Не стоит. Тот, кто забрал твою одежду и устроил этот перенос, наверняка предполагал, как именно ты будешь добираться до комнаты. На выходе почти наверняка ждет ловушка, настроенная на маскировочное заклинание. Они знают, что ты попытаешься скрыться. И вряд ли позволят это сделать. Не стоит вестись.

Я задумалась на секунду и поняла, что он прав. Не знаю, почему Эрик оказался на моей стороне, но говорил парень разумные вещи. Бьянка была не настолько глупа, чтобы, разработав сложный план, не учесть такую важную деталь. Задачей Бьянки было опозорить меня так, чтобы я сама сбежала из академии.

— Согласна, — кивнула я, смиряясь с неизбежным.

Мне предстояло пройти через всю Академию в одной только футболке Эрика. Хотя футболка и выглядела на мне как довольно скромное платье, в этом было что-то интимное. Эта мысль заставила кровь прилить к лицу. Но даже это было лучше, чем быть пойманной в мужской душевой в одном полотенце. По крайней мере, именно в этом я хотела себя убедить. Расправила плечи и пообещала себе выдержать, восприняв эту прогулку, просто, как выход из зоны комфорта.

Глава 10

Мы вышли из раздевалки, не пытаясь скрываться. Это было бесполезно, и буквально нос к носу столкнулись с группой парней из соседнего звена, которые как раз направлялись внутрь, чтобы переодеться перед парой по физической подготовке.

Пятеро парней. Они смеялись, толкали друг друга и пребывали в слишком приподнятом настроении, что не сулило нам с Эриком ничего хорошего. Соседние звенья не то, чтобы враждовали, но определенно соперничали.

Первым шел Венс. Вечный соперник Эрика. Парень застыл, наткнувшись взглядом на меня. Футболка, голые ноги, волосы ещё мокрые. Потом он обратил внимание на Эрика с голым торсом, и на лице Венса появилась нехорошая ухмылка.

— Ого, — протянул он. — Недолго, Эрик, ты горевал. Быстро сориентировался!

Ни для кого не было секретом, что Венс с первого курса был влюблен в Лауру и поэтому всегда пытался поддеть Эрика, который оказался более удачливым соперником.

— Не теряешь времени, я смотрю, — поддержал Венса его коренастый друг Шелл. — Лаура едва успела уехать, а ты уже с новой подружкой. Да еще в каких костюмах!

Его друзья хохотнули. Эрик замер, и я увидела, как напряглись мышцы его спины.

— И выбор у тебя зачётный, — вплёл Венс, бросая на меня оценивающий взгляд. — Та, из-за которой твой дружок Бьёрн погиб? И как тебе? Нормально с ней спать? Нигде ничего не ёкает?

Мне стало неуютно, по спине пробежали мурашки. Эрик рядом окаменел. Я чувствовала, как вокруг него собиралась плотная энергетическая волна — ещё не магия, просто гнев, который ощущался почти физически.

Один из парней двинулся в сторону двери и толкнул Эрика плечом. Лёгкий, вроде бы случайный толчок. Эрик даже не качнулся.

— Смотри, не перепутай душевую, герой, — выпалил Шелл. — Женская — там.

Щёлкнула пружина. Эрик метнулся вперёд так быстро, что я не успела среагировать. Его кулак врезался в лицо Венса. Парня откинуло в сторону, но он удержал равновесие, только разозлился сильнее, да под глазом появилось красное пятно, которое, скорее всего, перерастет в синяк. Смешки стихли. Я бросилась между дерущимися, стараясь предотвратить дальнейший мордобой. Согласна. Не лучшая идея, но в этот момент я не думала.

— Стоп! Хватит! Эрик, не надо!

Шелл кинулся на защиту Венса не раздумывая. В звеньях учат действовать именно так. Я увидела это боковым зрением: поворот плеча, тень локтя. Рванула в сторону, чтобы увернуться, но не успела. Удар прошёл по касательной — костяшки грубо чиркнули по моей скуле. Я не упала сразу, но мир дёрнулся, и меня отбросило к стене. Я врезалась лопатками в камень, из глаза брызнули искры.

Парни застыли, словно кто-то нажал паузу. Тот, кто ударил, замер с вытянутой рукой и сжал губы в тонкую линию. А я поняла, что на секунду просто отключилась, как и был с открытыми глазами, просто мир вокруг замедлился и происходящее стало воспринимать, словно со стороны.

— Создатели... — выдохнул кто-то. — Мы её не...

— Я... я не хотел... — пробормотал Шелл бледнея.

Эрик застыл, не завершив следующий удар, его взгляд переключился с Венса на меня. Я увидела, как гнев в его глазах сменился чем-то другим — шоком, осознанием. Парень оказался возле меня молниеносно, тёплыми пальцами осторожно взял за подбородок, развернул лицо к свету.

— Смотри на меня. Тошнит?

— Нет, — ответила я. Голова гудела. Скулу жгло, будто к ней приложили горячий металл. Под пальцами пульсировала боль, но зато конфликт, похоже, был улажен. Все мигом забыли его суть.

Кровь стучала в висках, и по щеке растекалась горячая волна. Я прижала ладонь к скуле, чувствуя, как она начинала пухнуть. Хорошо хоть, удар был скользкий — не разбил кожу, но отдал тупой болью в челюсть.

Все уставились на нас и молчали. В воздухе повисло ощущение неловкости.

— Я... — Шелл сделал шаг ко мне. На его лице застыло раскаяние. Он походил на щенка, который в игре укусил хозяина за руку и теперь страшно раскаивается. Это было бы смешно, если бы не было так больно. — Я не... Мы не хотели. Сорян. Это... это не тебе причиталось.

— Ещё слово, и причтется тебе, — отрезал Эрик, и его голос прозвучал хрипло и опасно глухо. Странно, но вся его агрессия направлялась не на меня. Он стоял чуть впереди, загораживая собой, и я видела, как напряглись его плечи.

— Остановись... — Я ухватила его за запястье. — Всё. Хватит. Если хотите продолжать, пожалуйста, когда я уйду. Не хочу быть замешана в драке. Может, тебе нравится ночевать в карцере, не знаю, но у меня другие планы.

— И какие же? — язвительно спросил Эрик, снова являя свою истинную сущность, но руку не отдернул.

— Спать в своей кровати! — отрезала я, чувствуя, как начинает дрожать голос. Все же для меня все случившееся было слишком.

— В карцере тоже удобно, — ответил Эрик, кажется, из чистого упрямства, но всё же расслабился.

— Прости, но я не собираюсь это проверять. Пошли отсюда.

Эрик на секунду замер, но потом кивнул, соглашаясь. Мы сделали пару шагов вперёд. Парни из соседнего звена расступились, но один не удержался и бросил вслед ядовитое:

— Хорошо устроилась, Ртуть. Без одежды, но под охраной.

Я не ответила. Просто ушла. Скула ныла тупой болью, и каждый шаг отдавался в висках. Рядом я слышала, как Эрик тихо, с усилием выдохнул — сдерживал себя из последних сил. За спиной донёсся шепот: «Она же, правда...», «Да замолчи ты», «Совсем офигели». Дверь в душевую захлопнулась, и голоса стали практически неслышными.

В пустом отрезке коридора Эрик замедлил шаг и повернулся.

— Дай посмотреть, — сказал он, и это прозвучало не как просьба, а как команда. Я остановилась, слегка подняла подбородок. Он аккуратно отодвинул мокрую прядь волос и внимательно изучил скулу. Его пальцы были осторожными, почти невесомыми. — Синяк будет. Нужно приложить лёд. И хорошо бы заживляющую мазь.

— Я знаю основы первой помощи при ушибах, — ответила я резко, но тут же смягчилась, понимая, что просто срываю Эрике дурное настроение. В случившемся вины парня нет. — Спасибо.

— Было бы за что, — ответил он, отводя взгляд. Тишина повисла между нами, став почти осязаемой. Я вдруг остро осознала, что стою перед ним в его же футболке, босиком, с мокрыми волосами, и это было неправильно и странно. Надо было хоть за кроссовками в женскую раздевалку вернуться, но я напрочь про это забыла.

Длинные коридоры после пар оказались почти пустыми. В оконном стекле я поймала своё отражение: бледное лицо, мокрые, потемневшие от воды волосы, голые колени. На скуле уже проступала синева. На мгновение захотелось свернуть за ближайшую колонну и спрятаться от всего мира. Но я этого не сделала. Это тоже часть испытания — выдержать.

За поворотом я увидела Бьянку. Заметив нас с Эриком, она сначала плотно сжала губы, а потом развернулась и стремительно ушла прочь.

— Бьянка, — сказала я тихо, но так, чтобы Эрик услышал. — Она всё просчитала. И мои привычки, и то, что я не стану кричать и поднимать шум. Пожалуй, не просчитала только тебя.

— Меня сложно просчитать, — сухо ответил он.

— Вот я так и подумала. — Я бросила на него быстрый взгляд. — Она не учла, что ты не пройдёшь мимо. Спасибо за это.

Он ничего не ответил. Мы подошли к жилому крылу. У лестницы никого не было. У двери в тоже. Эрик развернулся и накинул своё полотенце мне на плечи, чтобы прикрыть спину, здесь было прохладно. Жест получился неожиданно бережным, и от этого у меня снова запершило в горле. Я почувствовала запах его геля для душа — хвойный, горьковатый, и это почему-то отрезвляло.

— Твоя комната дальше, — напомнил он, хотя я и сама прекрасно это знала.

Я кивнула и пошла. Руки дрожали, но уже меньше. Мимо проскользнули двое первокурсников, посмотрели с удивлением, но промолчали. Я держала голову прямо.

Дошла до нашей двери, и секунду я замерла у порога. Оглянулась. Эрик стоял в дальнем конце коридора и смотрел прямо на меня.

Глава 11

Стоять под дверью и собираться с мыслями было странно и непродуктивно. В конце концов, одна Эстер и закрытая дверь, отгораживающая меня от всех проблемы и сплетен, значительно лучше, чем шумный коридор общаги, хотя, что скрывать? Своей новой соседке в таком виде мне показываться совершенно не хотелось. Но больше идти мне было некуда. Да и нагулялась я по академии в полуголом виде. Итак, думаю, мне этот эпизод еще не раз припомнят.

Я зашла в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Эстер, сидевшая на своей кровати с книгой, подняла взгляд и растерянно замерла, уставившись на меня. Когда ты живешь не одна, избежать неприятных вопросов не получится, как бы ты ни хотела. Увы.

— Где ты была? Что с лицом?! — Её глаза расширились, когда она разглядела наливающийся синяк на моей скуле. Подруга тут же бросилась к полке, к коробке с заживляющими зельями — травмы на тренировках были делом обычным, и лекарства под рукой держали все. — Вот демон, нормальное заживляющее не захватила из дома! — сокрушённо пробормотала она, перебирая склянки.

— Ничего страшного, — выдохнула я, снимая с плеч полотенце Эрика и отправляя его на спинку стула. Голос, к моему удивлению, дрогнул, хотя я думала, что совершенно спокойна и все самое страшное осталось позади. — Всё нормально. Просто Бьянка нашла новый способ сделать так, чтобы я не могла нормально существовать. Она и её компания забрали мою одежду из раздевалки и перенесли меня прямо в мужскую душевую. Так себе приключение, я тебе скажу.

— Они что, с ума сошли? Вот же мерзавки, — прошипела Эстер, закипая. — Как ты выбралась? И это не объясняет, откуда у тебя синяк! Он наливается на глазах. Надо хоть немного заморозить, а потом я схожу в лекарское крыло за нормальным средством.

Я села на край кровати, почувствовав, как тяжёлая, леденящая усталость поднимается изнутри противной дрожью. Пришлось рассказать Эстер про свои приключения. Правда, уже начав рассказ я поняла, что могу пересказать только коротко, без подробностей, но Эстер слушала внимательно, не перебивая, только хмурилась всё сильнее.

— В общем, максимально отвратительный день, — закончила я со вздохом. — Никого не хочу видеть и никуда ходить.

— Значит, тебя выгашил Эрик, — констатировала Эстер, присаживаясь рядом и аккуратно прикладывая к моей скуле кусочек ваты, пропитанный хладогелем. Приятный холод мгновенно приглушил жжение, и я непроизвольно выдохнула с облегчением. — Какой поворот. А ты говорила, он тебя ненавидит. Как-то с этим поведением не коррелируется.

— Он и ненавидит, — ответила я, закрыв глаза на секунду, наслаждаясь облегчением. — Он просто... действует по своему кодексу. Я помогла ему, она помог мне. На его чувства это не повлияло. А ещё, возможно, Эрику надоело, что его бывшие друзья ведут себя как стая гиен. В любом случае, я ему благодарна. Но это не меняет главного.

— Чего? — спросила Эстер, внимательно изучая моё лицо.

— Того, что я не могу больше просто терпеть и ждать, пока они либо сломают меня, либо вынудят уйти. Я должна поставить точку в этом вопросе. Узнать, что же на самом деле случилось тогда на практике. Не для того, чтобы доказать что-то им. — Я махнула рукой в сторону двери, за которой остался враждебный мир Академии. — А для себя, чтобы понять, кто виноват. Чтобы, наконец, перестать просыпаться по ночам от одного и того же кошмара. Ну и если я докопаюсь до правды, то Бьянка, наконец, угомонится. Ну или будет ненавидеть меня не так откровенно. Остальные ведь ее поддерживать перестанут.

Эстер молча кивнула, её серые глаза стали серьёзными. Она убрала вату, проверила скулу и удовлетворённо сказала.

— Гель начал работать, отёк немного спал. А по поводу попытки узнать, идея хорошая и я с тобой. Но, Рута, с чего вообще начинать? Прошло несколько месяцев, расследование закрыто... говорить с тобой вряд ли кто будет, все злы.

— Думаю, с архива, — сказала я решительно. — Все официальные отчёты о практиках, акты расследований инцидентов хранятся в архиве Академии. Доступ к ним открыт в учебных целях. Ректор в вопросах отчётности и прозрачности очень дотошен. Формально мы имеем право изучать материалы, к которым привязаны наши учебные дела. Не думаю, что сейчас возникнут проблемы.

— И ты думаешь, этот отчёт там есть? — уточнила Эстер, слегка приподняв бровь.

— Думаю, он не стал исключением. Это же не какая-то секретная миссия, а штатная учебная практика, которая правда, закончилась плачевно. Должен быть подробный отчёт команды, заключение инструктора, акт о несчастном случае... Всё, что позже легло в основу выводов комиссии. Мне нужно взглянуть на это своими глазами. Но сегодня я не в состоянии этим заниматься. Завтра.

— Хорошо. — Подруга кивнула, поднимаясь. — Сейчас тебе лучше отдохнуть, а я пойду схожу в медпункт и попрошу что-то, что снимет отёк и боль. Ходить с фингалом под глазом невесело. Ну и нечего радовать Бьянку.

— Я думаю, слухи о том, что случилось в коридоре уже разошлись по академии. И мне, в любом случае, придется непросто.

— Возможно, но это не повод ходить с синяком. Не находишь?

Я кивнула и, подумав, добавила:

— А ещё, если ты всё равно пойдёшь, захвати мне что-нибудь поесть из столовой. Я не готова туда идти вечером на ужин. А у меня и обеда не было.

На самом деле, мне неловко было просить об этом Эсер, которую я знала без году неделя, но других вариантов не было. Или идти самой и попадать в эпицентр сплетен, которые сегодня совершенно точно еще не утихнут, а я не смогу на них спокойно реагировать. Ну второй вариант я озвучила. Соседка отреагировала совершенно спокойно.

— Конечно, захвачу, — отозвалась Эстер уже натягивала легкую куртку, проверяя карманы. — Что-нибудь тёплое и не слишком жирное?

— Да, спасибо тебе большое. И можно еще булочку.

— Не за что. — Она бросила на меня быстрый, оценивающий взгляд. — Отдыхай и не переживай. Скоро вернусь.

Дверь за ней закрылась, и я ещё какое-то время лежала на кровати в позе звезды, глядя в потолок. В голове было пусто, а боль в скуле почти ушла, оставив лишь глухое, пульсирующее напоминание о том, что произошло. Я поднялась, прошлёпала босыми ногами к шкафу и задумалась. Ходить до бесконечности в майке Эрика было не совсем правильно. Наверное, её стоит постирать и отдать. Но пока я не хотела даже думать об этом. Чтобы отдать ему майку, надо идти в его комнату или передавать где-то в общественном месте, а ни то, ни другое я не хотела. Потому что это значило попасть с поле зрения или Бьянки или кого-то из ее подружек.

Я достала из шкафа тёплую пижаму: длинные мягкие штаны цвета индиго и объемное худи с капюшоном. Мимолётная слабость, но я никуда не собиралась сегодня идти, поэтому могла себе позволить. Я сходила в душ, все же пришлось топтать по всей академии босиком, потом переделась и почувствовала себя почти человеком. В уютной пижаме стало гораздо комфортнее. Я снова забралась с ногами на кровать, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Шевелиться не хотелось — меня била нервная дрожь, мелкая, противная. Кажется, сейчас начался откат.

Стук, раздавшийся в дверь, был совершенно некстати. Я замерла, прислушиваясь. Может, показалось? Но стук повторился — настойчивее, громче. Я малодушно решила не открывать, но звук не прекращался. Пришлось брать себя в руки, сползая с кровати и, кутаясь

в худи, плестись к двери. Я никого не ждала, а Эстер точно не стала бы стучаться — у неё свой ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.